

ISSN 2686-7249

# ВЕСТНИК РГГУ

*Серия*  
«Литературоведение.  
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

# RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.  
Linguistics. Cultural Studies”  
*Series*

Academic Journal

Основан в 1996 г.  
Founded in 1996

7  
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series  
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

**10.01.00 Philology:**

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary Theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

**10.02.00 Linguistics:**

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

**24.00.00 Culturology:**

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

*Goals of the journal.* Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

*Objectives of the journal.* Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018.

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

e-mail: galazver@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

**10.01.00 Литературоведение:**

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

**10.02.00 Языкознание:**

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

**24.00.00 Культурология:**

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

*Цель журнала.* Представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

*Задачи журнала.* Осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: galazver@mail.ru

Founder and Publisher  
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

*P.P. Shkarenkov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

*D.I. Antonov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*P.M. Arkadiev*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation  
(*deputy editor-in-chief*)

*O.L. Akhunova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*S.I. Baranova*, Dr. of Sci. (History), Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

*L.V. Belovinskiy*, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

*V.V. Gudkova*, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

*N.P. Grintser*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*Yu.V. Domanskiy*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*A.V. Dybo*, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, RAS Institute of Linguistics, Moscow, Russian Federation

*I. Rzepnikowska*, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

*G.I. Zvereva*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

*I.I. Isaev*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), Universite de Paris-Sorbonne, Paris, France

*N.V. Kapustin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

*V.I. Kimmelman*, PhD, Bergen University, Bergen, Norway

*J.D. Clayton*, PhD, University of Ottawa, Ottawa, Canada

*I.V. Kondakov*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*G.Ye. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*L.I. Kulikov*, Cand. of Sci. (Philology), PhD, Ghent University, Ghent, Belgium

*M.N. Lipovetskiy*, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

*D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Krakow, Poland
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

*G.I. Zvereva*, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH

Учредитель и издатель  
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

*П.П. Шкаренков*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

*Д.И. Антонов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

*П.М. Аркадьев*, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

*О.Л. Ахунова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

*С.И. Баранова*, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

*Л.В. Беловинский*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

*В.В. Гудкова*, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

*Н.П. Гринцер*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

*Ю.В. Доманский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

*А.В. Дыбо*, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

*И. Жетниковска*, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

*Г.И. Зверева*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

*И.И. Исаев*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

*Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, университет Сорбонны, Париж, Франция

*Н.В. Капустин*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

*В.И. Киммельман*, PhD, Берген, Королевство Норвегия

*Д.Д. Клейтон*, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

*И.В. Кондаков*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

*Г.Е. Крейдлин*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, PhD, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо, Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

*Г.И. Зверева*, доктор исторических наук, профессор, РГГУ

## CONTENTS

### Studies in Cultural History

---

- Lyudmila Yu. Limanskaya*  
Practices of perception and description of antiquity  
by Italian humanists in the 14<sup>th</sup> – beginning of the 16<sup>th</sup> century ..... 10
- Svetlana A. Voronova*  
The role of the cultural landscape in the formation  
of the regional identity of the Staritsky Upper Volga region  
at the turn of the 19–20<sup>th</sup> centuries ..... 21
- Lidiya V. Kroshkina*  
The “Old” and the “New” in Christian culture of the 20<sup>th</sup> century:  
“Orthodox Affair” association of mother Maria (Skobtsova) ..... 36

### Contemporary cultural studies

---

- Gleb I. Kornilov*  
Group identity of the Molokans of Moscow and the Kryashens of Kazan:  
experience of comparative analysis (based on field research) ..... 48
- Elizaveta O. Belousova*  
“And the stars of heaven fell to the earth”: eschatological motives  
in Russian science fiction literature of the 2010s (with the example  
of “The Four” by Alexander Pelevin) ..... 63
- Mariya S. Stefko*  
French museums and science: a new phase of discussion ..... 76

### Visual studies

---

- Egor V. Luk'yanenko*  
Soviet propaganda porcelain: ideology vs art ..... 86
- Tatiana V. Kochina*  
The search for a new subjectivity. The viewer as a cyborg  
(on the example of Adina Pintilie's film “Touch me not”) ..... 98

## СОДЕРЖАНИЕ

### **Культурно-исторические исследования**

---

- Людмила Ю. Лиманская*  
Практики восприятия и описания античности  
итальянскими гуманистами в XIV – начале XVI в. .... 10
- Светлана А. Воронова*  
Роль культурного ландшафта в формировании  
регионального самосознания Старицкого Верхневолжья  
на рубеже XIX–XX вв. .... 21
- Лидия В. Крошкина*  
«Старое» и «новое» в христианской культуре XX в.:  
«Православное Дело» матери Марии (Скобцовой) ..... 36

### **Исследования современной культуры**

---

- Глеб И. Корнилов*  
Групповая идентичность молокан Москвы  
и крышен Казани: опыт сопоставительного анализа  
(на материале полевых исследований) ..... 48
- Елизавета О. Белоусова*  
«И звезды небесные пали на землю»: эсхатологические мотивы  
в российской фантастической литературе 2010-х гг.  
(на примере «Четверо» Александра Пелевина) ..... 63
- Мария С. Стефко*  
Французские музеи и наука: новый этап дискуссии ..... 76

### **Визуальные исследования**

---

- Егор В. Лукьяненко*  
Советский агитационный фарфор: идеология vs искусство ..... 86
- Татiana В. Кочина*  
В поисках новой субъектности. Зритель как киборг  
(на примере фильма Адины Пинтилие “Touch me not”) ..... 98

УДК 130.2:902

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-10-20

## Практики восприятия и описания античности итальянскими гуманистами в XIV – начале XVI в.

Людмила Ю. Лиманская

*Российский государственный гуманитарный университет,  
Москва, Россия, lydmila55@mail.ru*

*Аннотация.* В эпоху Возрождения в связи с возросшим общественным интересом к античной культуре активизировалась деятельность итальянских ученых-антикваров. Интерес к античности разделяли филологи, художники и архитекторы. Это наглядно проявлялось в изучении истории языков, истории литературы, истории искусства и архитектуры. Вокруг археологических работ создавались объединения ученых-гуманистов. Сложности формирования художественной терминологии в эпоху Возрождения были связаны с переходом с церковной латыни на античную, интересом к возможностям использования итальянского языка и античной латыни. Археологические изыскания и археологические обмеры сопровождалась филологическими исследованиями и атрибуционными описаниями. В статье рассматриваются труды Ф. Петрарки, Л.Б. Альберти, Ф. Бьондо и других итальянских гуманистов XIV – начала XVI в., в которых содержатся представления о взаимосвязи древнеримской культуры с культурой Возрождения.

*Ключевые слова:* античность, гуманизм, Возрождение, археология, изучение истории, словесность, латынь, народный язык

*Для цитирования:* Лиманская Л.Ю. Практики восприятия и описания античности итальянскими гуманистами в XIV – начале XVI в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 7. С. 10–20. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-10-20

Practices of perception and description of antiquity  
by Italian humanists  
in the 14<sup>th</sup> – beginning of the 16<sup>th</sup> century

Lyudmila Yu. Limanskaya

*Russian State University for the Humanities,  
Moscow, Russia, lydmila55@mail.ru*

*Abstract.* In the Renaissance, in connection with the increased public interest in ancient culture, the activities of Italian scientists-antiquarians intensified. Interest in antiquity was shared by philologists, artists and architects. This was clearly manifested in the study of the history of languages, the history of literature, the history of art and architecture. Associations of scientists – humanists were created around archaeological work. The difficulties in the formation of artistic terminology in the Renaissance were associated with the transition from church Latin to ancient, interest in the possibilities of using the Italian language and ancient Latin. Archaeological research and archaeological measurements were accompanied by philological research and attribution descriptions. The article deals with the works of F. Petrarca, L.B. Alberti, F. Biondo and other Italian humanists of the 14<sup>th</sup> – early 16<sup>th</sup> century, which contain ideas about the relationship between ancient Roman culture and the culture of the Renaissance.

*Keywords:* antiquity, humanism, Renaissance archeology, study of history, literature, Latin, folk language

*For citation:* Limanskaya, L.Yu. (2022), “Practices of perception and description of antiquity by Italian humanists in the 14<sup>th</sup> – beginning of the 16<sup>th</sup> century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 10–20, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-10-20

В эпоху Возрождения в связи с возросшим общественным интересом к античной культуре активизировалась деятельность итальянских ученых-антикваров. Интерес к античности разделяли филологи, художники и архитекторы, что наглядно проявлялось в изучении истории языков, истории литературы, истории искусства и архитектуры. Археологические изыскания и археологические обмеры сопровождалась филологическими исследованиями и атрибуционными описаниями. Неслучайно вокруг археологических работ создавались объединения ученых-гуманистов. Сложности формирования художественной терминологии в эпоху Возрождения были связаны с переходом с церковной латыни на античную, интересом к возможностям использования итальянского языка и античной латыни. Дискуссии на тему итальянской и латинской грамматики,

жизнеспособности тосканского, флорентийского и других диалектов [Жолудева 2016] влияли на гуманистическое видение истории и практики описания произведений античной культуры.

Так, Петрарка, рассуждая на тему античности, отмечал, что занятия словесностью разжигают любовь к добродетели, занятиям науками, искусством и поэзией<sup>1</sup>. При первом же посещении Рима он был готов восхищаться его древностями. Но не все из них ему удалось увидеть. Это побуждало его к тому, чтобы задаваться вопросами о том, насколько сохранились античные древности в Вечном городе. Где термы Диоклетиана и Каракаллы? Где цимбриум Мария, септизоний и бани Севера? Где форум Августа и храм Марса Мстителя? Где святыни Юпитера Громовержца на Капитолии и Аполлона на Палатине? Где портик Аполлона и базилика Гая и Луция? Где портик Ливии и театр Марцелла? Где в городе Марий Филипп построил храм Геркулеса и Муз, а Луций Корнифиций – Дианы? Где храм свободных искусств Авиния Поллиона? Где театр Бальба, амфитеатр Статилия Тауруса? Где бесчисленные сооружения Агриппы, из которых сохранился только Пантеон? Где великолепные дворцы императоров? Все это можно найти в книгах, а в Риме, как оказывается, либо они исчезли, либо от них остался только жалкий след<sup>2</sup>.

Петрарка стремился найти в Риме следы «великого римского прошлого».

Мы бродили вместе по великому городу, который из-за своей просторности кажется пустым, однако вмещает огромное население; не только по городу бродили, а и в окрестностях. И на каждом шагу встречалось что-то, заставлявшее говорить и восторгаться: здесь дворец Эвандра, здесь храм Карменты, здесь пещера Вулканова сына, тут воспитавшая близнецов волчица и Ромулова смоковница – кормилица, тут конец Рема; здесь цирковые игры и похищение сабинянок...<sup>3</sup>

Путешествуя, поэт разыскивал в монастырских библиотеках забытые рукописи античных авторов.

Формировавшийся интерес гуманистов к античному Риму носил не критический характер. В письме кардиналу Иоанну Колонне Петрарка описывал Рим, следуя порядку изложения чудес в средневековых путеводителях:

<sup>1</sup> *Петрарка Франческо. Эстетические фрагменты.* М.: Искусство, 1982. С. 161.

<sup>2</sup> Там же. С. 102.

<sup>3</sup> Там же.

...это Эсквилинский холм, тут Виминал, там Квиринал, здесь Целиев холм, здесь Марсово поле... Это Яникул, то Авентин, там Священный холм...<sup>4</sup>

Ностальгическая романтика описаний останков древнего Рима свидетельствует об идеализации Петrarкой античного прошлого:

...здесь Тарпейская скала и всемирная перепись Римского народа; здесь страж оружия Янус, здесь храм Юпитера Останавливающего, здесь Приносящего добычу, здесь – Юпитера Капитолийского, место всех триумфов; сюда пригнали Персея, отсюда прогнали Ганнибала, отсюда согнали Югурту, как думают некоторые, а другие считают, что он был убит в тюрьме...<sup>5</sup>

Вместе с тем Петrarка уходит от описаний религиозных мифов о памятных местах города.

Петrarка считал важным восстанавливать античное прошлое на основе изучения классических текстов: сочинений Цицерона, Вергилия, Горация, Овидия, Саллюстия и других авторов. Он собирал античную библиотеку, статуи, нумизматику, изучал топографию древнего Рима. В состав его книжного собрания входили: Гораций, Овидий, Катулл, Проперций, Тибулл, Персий, Ювенал, Клавдиан, Овидий; комедиографы Плавт и Теренций; историки – Тит Ливий, Саллюстий, Светоний, Флор, Евтропий, Джустин, Орозий, Валерий Максим; ораторы и философы – Квинтилиан, Варрон, Плиний, Апулей, Авл Гелий, Макробий, Витрувий, Марциан Капелла, Помпоний Мела, Кассиодор, Боэций. К этим текстам Петrarка писал свои комментарии. По-новому прочитывал Петrarка и труды отцов церкви, прежде всего Августина, высоко ценя их классическую образованность (см. об этом: [Бибихин 1982, с. 8–9]).

В процессе дискуссий гуманистов о роли латыни и народном языке (*vulgares*) как способах написания научных и литературных трудов формировались методы изучения античных древностей. Они строились на сочетании историко-филологических и археологических реконструкций. История языка и история искусства развивались параллельно.

Новизна поисков Петrarки заключалась в стремлении не только подражать античным авторам, но и превосходить их, доказывая самостоятельную ценность стиля той эпохи. Он считал Цицерона

---

<sup>4</sup> Там же. С. 102–103.

<sup>5</sup> Там же. С. 103.

гением ораторского искусства с его ярко выраженной дидактикой. Сохраняя трепетное отношение к слову, Петрарка стремился сформировать новый тип словесной ткани, в которой сочетался бы «стиль новых» и «древняя речь», соединить «одну и другую истину». По выражению поэта, «...слово – первое зеркало духа, слово дух – не последний водитель слова»<sup>6</sup>.

Уже в следующем столетии интерес к новой выразительности слова демонстрирует Леон Батиста Альберти, архитектор, литератор и первый грамматик народного языка. Родившийся и выросший вдали от Флоренции, Альберти воплощал в себе дух гуманизма. Он создает «Итальянскую грамматику» (“Grammatica della lingua toscana” или “Grammatichetta vaticana”, 1450), в которой содержится идея реформы орфографии. Составленная в 1442 г. (издана в 1450 г. и переиздана в 1908 г.), грамматика Альберти представляла собой описание «народного языка» (della “nostra oggi toscana”) и основывалась на его повседневном употреблении. В своей “Grammatichetta vaticana” (название происходит от библиотеки, в которой хранится рукопись) Альберти впервые зафиксировал некоторые правила флорентийского языка XV в., например временное противопоставление недалекого прошлого далекому прошлому, что отсутствовало в латыни. Цель работы Альберти заключалась в том, чтобы продемонстрировать возможности народного языка, показать, что язык, на котором говорили во Флоренции, мог конкурировать с латынью во всех областях знаний, поскольку он был снабжен своими грамматическими правилами. Альберти стал главным представителем той части гуманистов, которые отстаивали возможности использования итальянского языка, в противоположность позиции тех гуманистов, которые полагали, что единственным грамматическим языком была латынь.

Для того чтобы популяризировать литературные возможности флорентийского народного языка, Альберти стал писать на местном языке и пропагандировать переводы своих сочинений, которые первоначально были им написаны на латыни. Во Флоренции в 1441 г. Альберти совместно с Леонардо Дати организовал поэтический конкурс “Certame sonario” на лучшее стихотворение на местном языке. И хотя конкурс завершился тем, что премии никому присуждены не были, ряд трудов Альберти, написанных на *vulgares*, стал доступным для широких слоев населения. Альберти внес значительный вклад в демократическую линию развития современной ему литературы, побуждая гуманистов, своих современников, к использованию народного языка и народной поэзии.

---

<sup>6</sup> Петрарка Франческо. Эстетические фрагменты. 1982. С. 82.

В то же время по заказу папы римского Николая V Альберти составил трактат на латинском языке «Описание города Рима» (“*Descriptio urbis Romae*”, около 1450 г.), содержащий перечень достопримечательностей древнего города. Этот перечень был близок к системе средневекового описания городов. При этом Альберти не занимался пересказом легенд. Он представил в своем трактате архитектурные обмеры достопримечательностей и реконструкцию градостроительной структуры древнего Рима, опираясь на математический инструментарий, переводы и изучение памятников, метаматематические и теоретические трактаты, в частности на «Десять книг по архитектуре» (“*De architectura libri decem*”) Витрувия [Лиманская 2013].

Следует по пути демократизации языка и светского интереса к истории античной литературы и Флавио Бьондо. В 1434 г. он создает трактат «О латинской разговорной речи» (“*De verbis romanae locutionis*”). В нем Бьондо утверждает единство литературного и разговорного латинского языка. В это же время, по примеру Тита Ливия, он пишет сочинение «Декады истории, начиная от упадка Римской империи» (“*Historiarum ab inclinatione romani imperii decades*”), в котором использует новый методологический подход к историографии. Автор стремится к максимальной объективности языка изложения.

Опираясь на традицию средневековых путеводителей для религиозных паломников «Чудеса города Рима» (“*Mirabilia Urbis Romae*”), Флавио Бьондо в период 1444–1446 гг. выпускает путеводитель нового типа «Воссозданный Рим» (“*De Roma instaurata*”)<sup>7</sup>. В своем сочинении Бьондо опирается на археологические документы, архитектурную топографию Рима, на историческую географию Италии. В “*De Roma instaurata*” идеализированная античная история прослеживается с опорой не на средневековые чудеса, а на античные топонимы, этнонимы. Она представляет собой топографическую реконструкцию городской и архитектурной среды Древнего Рима. В “*Roma Instaurata*” Флавио Бьондо создает путеводитель нового типа, он отказывается от описания религиозных чудес и сосредотачивает внимание на топографическом описании руин и связанной с ними истории. Характеризуя особенности построения книги «Воссозданный Рим», И.В. Кувшинская, переводчик, автор комментариев и вступительной статьи, в частности отмечает тщательность филологического анализа трудов древних авторов и повышенное внимание Флавио Бьондо к этимологии

---

<sup>7</sup> Воссозданный Рим / Пер. с лат., коммент., вступит. ст. И.В. Кувшинской. М.: НО Изд-во Францисканцев, 2020.

слов и понятий, сравнению дат, имен и названий, встречающихся в их сочинениях, а также его стремление к собиранию всех возможных сведений по истории римских древностей из классических авторов. Его текст почти наполовину составляют цитаты и выписки из трудов Варрона, Ливия, Тацита, Светония, Плиния, Кассиодора, Аммиана Марцелина. Овидия, Марциала, Вергилия [Кувшинская 2020, с. 15].

Предложенная им городская структура соответствовала каталогу городских районов города, приписываемому Сексту Руфу, который, в свою очередь, прямо или косвенно заимствовал свои описания из каталога IV в. Публия Виктора “*Descriptio urbis Romae*”. Путешествуя по Риму, Бьондо стремится найти идеальное взаимодействие между современным христианским пространством города и языческими руинами. Для этого он постоянно обращается к текстам античных авторов: «Ворота, которые в наши дни называют Аппиевыми, раньше носили имя Капенских. Юлий Фронтин в книге об акведуках отмечает, что в год консулов Марка Валерия и Публия Децима Мура, в двадцатый год после начала самнитской войны, цензором был избран Аппий Клавдий, который озаботился построить Аппиеву дорогу Капенских ворот до города Капун»<sup>8</sup>. “*De Roma instaurata*” становится хроникой меняющейся топографии Рима, в которой языческое прошлое используется для создания образа будущего восстановленного видения Рима. Гуманизм не является однородной философией, взгляды его представителей различались в своих мировоззренческих установках.

Под *instauratio* Бьондо понимал не только восстановление материальных памятников, но и формирование нового мировоззрения, политической и социальной атмосферы. Участвуя в беседах и диспутах с флорентийскими гуманистами, он в то же время, будучи секретарем Курии, нередко исполнял дипломатические поручения Папы и общался с влиятельными церковными лицами. Бьондо считал, что история запятнана или, скорее, опорочена ложными и варварскими именами. По его мнению, восстановление римским народом исторической памяти было важно, так как Рим представлял собой источник и воспитатель славы и доблести, основу самого достойного, что есть в мире. Так он сообщает:

После смерти Марка Антония и Клеопатры Октавиан Август установил в государстве мир и в числе многих благоразумных начинаний построил два флота. Первый флот стоял у Мизен, гавани в Лукании. Он охранял от нападений с Северного океана берега островов Италии

---

<sup>8</sup> Воссозданный Рим. 2020. С. 126.

и побережье Галии, а также Испанию, Африку и Мавританию. Другой флот был построен у Равенны в месте, ныне называемом Кардиано, где впоследствии возник город Класе. Корабли этого флота стояли в заливах Адриатики, Иллирии, Далмации, Эпира, Греции, Фракии, Понта, Меотиды и того побережья Азии, которое омывает наше море: если возникала необходимость, корабли могли приплыть и в Египет. Каждый, кто внимательно читал историю, без сомнения, знает, что столь громадный флот, необходимый для защиты Римской империи, нуждался в немалом войске<sup>9</sup>.

В трактатах «Италия прославленная» (“*Italia illustrata*”) и «Рим торжествующий» (“*Roma triumphans*”) Флавио Бьондо опирается на документы о государственных учреждениях Древнего Рима. Выходя за пределы традиции средневековых “*mirabilia urbis*” и полагаясь на свою эрудицию, автор стремится по-новому представить итальянскую цивилизацию, оставаясь при этом в тесном контакте с латинской исторической географией, используя в качестве источника «Естественную историю» (“*Naturalis Historia*”) Плиния. Бьондо пересматривает традицию средневековых путеводителей «Чудеса города Рима» (“*Mirabilia Urbis Romae*”), представлявших собою сборник легенд о достопримечательностях города XII в., составленный для религиозных паломников, и выводит на первый план исторические источники. Свои исторические представления Бьондо обосновывал, исходя из принципов риторического гуманизма, ставшего в то время популярным во Флоренции. На него оказали влияние ведущие представители этой традиции – Колуччо Салютати и Леонардо Бруни, которые отстаивали светские и демократические ценности Республиканского Рима и утверждали посредством их новый идеал общественного устройства.

Деятельность Флавио Бьондо по восстановлению исторической памяти об античной культуре была продолжена в работах других итальянских гуманистов. В 1478 г. Помпоний Лето основывает в Риме Академию антиквариев на Квиринале, которая в дальнейшем внесла существенный вклад в историческую науку. Академия подготовила плеяду ученых антикваров, у которых интерес к истории искусства и архитектуры перерос в организованное направление интеллектуальной деятельности. Помпоний и ученые Академии разрабатывали исторический подход к изучению античной архитектуры, развивали эпиграфику и нумизматику, собирали и исследовали факты из истории классической литературы, пытались графически визуализировать и реконструировать описанный ан-

---

<sup>9</sup> Там же. С. 132.

тичными авторами облик прошлого. Эти занятия стимулировали интерес к изучению топографии и иконографии. Историописание Помпония представляло собой комментарии к сочинениям античных классиков и учебных материалов. Его обширный опыт в собирании и изучении различных областей антиквариата снискал ему безупречную репутацию и европейскую известность.

Интерес к Древнему Риму и его памятникам был свойственен среде итальянских путешественников и паломников. Путеводители «О чудесах древнего Рима» (*“Mirabilia Romae”*) стали той почвой, от которой отталкивались гуманисты. Однако внимание историков-гуманистов конца XV – начала XVI в. привлекала не столько история чудес, сколько фрагменты документальных свидетельств об античных древностях. Путеводитель флорентийского гуманиста Франческо Альбертини «Сочинение о чудесах нового и старого города Рима» (*“Opusculum de mirabilibus novae et veteris urbis Romae”*)<sup>10</sup>, опубликованный в 1510 г., должен был стать по замыслу автора новым *Mirabilia Romae*, где чудеса обретали бы исторический, а не мифологический смысл. В этом тексте нашли свое отражение новые знания, полученные в результате почти столетних гуманистических наблюдений.

Как и в старых *“Mirabilia Romae”*, *“Opusculum”* Альбертини структурирован на основе традиционного деления по главам, посвященным городским стенам, воротам, улицам, мостам, театрам, циркам и т. д. Однако на этом сходство со средневековыми путеводителями заканчивается. Помимо использования классических источников Альбертини опирается на произведения гуманистов, в том числе сочинения Петрарки, Бьондо, Поджио Брачоллини, Помпония Лето. Альбертини усвоил методологический урок Бьондо, который делал эпитафии к главам и обращался к непосредственному изучению археологических находок. Книга I посвящена дворцам, книга II посвящена магистратам, зданиям общественного пользования и завершается восхвалением древнего города. В книге III содержится описание церквей, дворцов кардиналов, пап, общественных зданий и городской системы. Она завершается восхвалением города.

Автор демонстрировал значительный интерес к эпиграфическим и нумизматическим свидетельствам, которые часто приводились в тексте и проверялись на основе сопоставления с другими древними документами. Первые две книги *“Opusculum”* важны с точки зрения знания современного Альбертини состояния римских археологических раскопок. Городская среда в то время претерпева-

---

<sup>10</sup> *Francesco degli Albertini. Opusculum de mirabilibus novae et veteris urbis Romae. Gregg, 1972. 200 p.*

ла серьезную трансформацию, что приводило к рассредоточению античных памятников. В книге II трактата Альбертини (листы N2v–N3v) содержатся также полезные сведения по истории римских библиотек, что было актуально для решения просветительских задач гуманистов. Они представляют собой обзор литературных источников по публичным библиотекам в республиканском и императорском Риме. В главе также перечисляется список римских базилик, которые являлись местом публичных встреч.

В дальнейшем XVI век стал временем развития организованных исследований античных древностей. Увлечение античностью охватывает разные слои населения – писателей-гуманистов, пап, представителей монашества, купцов. Входит в обычай подражание ритуалам античных римлян. Популяризируются практики описания античных древностей на диалектах итальянского языка, формируются истоки истории искусства. История античности изучается учеными антикварами XVI в. как посредством литературных изысканий, так и при помощи технико-технологических принципов описания, анализа и атрибуции произведений искусства.

### *Литература*

---

- Бибихин 1982 – *Бибихин В.В.* Слово Петрарки (вступительная статья) // Франческо Петрарка. Эстетические фрагменты. М.: Искусство, 1982. С. 7–37.
- Жолудева 2016 – *Жолудева Л.И.* Проблема национальной идентичности в итальянских исторических и лингвистических сочинениях XVI века // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 1. С. 111–119.
- Кувшинская 2020 – *Кувшинская И.В.* Вступительная статья // Воссозданный Рим / Пер. с лат., комментарии, вступительная статья И.В. Кувшинской. М.: ИО Изд-во Францисканцев, 2020. С. 3–40.
- Лиманская 2013 – *Лиманская Л.Ю.* История изучения и загадки археологического проекта Рафаэля по восстановлению древнего Рима // Искусствознание. 2013. № 1–2. С. 258–287.

### *References*

---

- Bibikhin, V.V. (1982), “Word of Petrarch (Introductory article)”, *Francesco Petrarcha. Esteticheskie fragmenti* [Francesco Petrarch. Aesthetic Fragments], Iskusstvo, Moscow, Russia, pp. 7–37.
- Kuvshinskaya, I.V. (2020), “Introductory article”, *Vossozdannyi Rim* [Reconstructed Rome], transl. from Latin, commentaries, introd. article by I.V. Kuvshinskaya, Izdatel'stvo Frantsiskantsev, Moscow, Russia, pp. 3–40.

- Limanskaya, L.Yu. (2013), “The history of the study and mysteries of the archaeological project of Raphael to restore ancient Rome”, *Art Studies Magazine*, no. 1–2, pp. 258–287.
- Zholudeva, L.I. (2016), “National identity issues in the 16th century Italian treatises on language and history”, *Moscow University Philology Bulletin*, no. 1, pp. 111–119.

### *Информация об авторе*

*Людмила Ю. Лиманская*, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lydmila55@mail.ru

### *Information about the author*

*Lyudmila Yu. Limanskaya*, Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; lydmila55@mail.ru

## Роль культурного ландшафта в формировании регионального самосознания Старицкого Верхневолжья на рубеже XIX–XX вв.

Светлана А. Воронова

*Российский государственный гуманитарный университет,  
Москва, Россия, svetlana1916007@rambler.ru*

*Аннотация.* Согласно информационно-аксиологическому подходу Ю.А. Веденина и М.Е. Кулешовой, значительную роль в формировании культурного ландшафта играют духовные и интеллектуальные ценности, передаваемые в виде информации от поколения к поколению. Комплексное изучение культурного наследия и его актуализация в составе культурного ландшафта дают возможность проследить роль ценностей традиционной культуры в современной социокультурной ситуации. Через узнаваемые и значимые образы, концепты и символы обнаруживается тесная связь между культурным ландшафтом и локальным самосознанием. Ассоциативные смыслы и значения культурного ландшафта территории влияют на социокультурный потенциал локального общества, идентификацию его места во внешней среде. На рубеже XIX–XX вв. жители Старицкого края активно занимались изысканиями в области краеведения, архивоведения, стремились сохранять местное культурное наследие в коллективных практиках, коллекционировании, в публикациях в исторической периодике. Историко-культурный ландшафт послужил вдохновением для изысканий И.П. Крылова, А.Н. Вершинского, С.И. Покровского, А.Д. Ушакова. Огромную роль в сохранении региональной культуры играло духовенство. Священнослужители Старицкого Верхневолжья являлись членами Тверской ученой архивной комиссии, подписчиками исторических журналов, собирателями местного фольклора и архивариусами. Старицкие усадьбы, находясь на удалении от губернского центра и обладая мощным культурно-историческим потенциалом, имели большое влияние на культуру уезда в целом, их художественные ценности стали основой формирования регионального самосознания и впоследствии послужили ядром коллекции уездного музея.

*Ключевые слова:* Старицкое Верхневолжье, культурный ландшафт, региональное самосознание, провинциальная культура, культурное наследие, культурная память, краеведение, уездный музей

*Для цитирования:* Воронова С.А. Роль культурного ландшафта в формировании регионального самосознания Старицкого Верхневолжья на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 7. С. 21–35. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-21-35

## The role of the cultural landscape in the formation of the regional identity of the Staritsky Upper Volga region at the turn of the 19–20<sup>th</sup> centuries

Svetlana A. Voronova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,  
svetlana1916007@rambler.ru*

*Abstract.* According to the information-axiological approach of Yu.A. Vedenin and M.E. Kuleshova, spiritual and intellectual values transmitted in the form of information from generation to generation play a significant role in the formation of the cultural landscape. The comprehensive study and actualization of cultural heritage as part of the cultural landscape reveals the role of traditional culture values in the modern socio-cultural situation. There is a close connection between the cultural landscape and local self-awareness through recognizable and meaningful images, concepts and symbols. Associative meanings and meanings of the cultural landscape of the territory affect the socio-cultural potential of the local society, the identification of its place in the external environment. At the turn of the 19–20<sup>th</sup> centuries the inhabitants of the Staritsky region were actively engaged in research in the field of local history, archiving, sought to preserve the local cultural heritage in collective practices, collecting, in publications in historical periodicals. Historical and cultural landscape served as inspiration for research of I.P. Krylov, A.N. Vershinsky, S.I. Pokrovsky, A.D. Ushakov. The clergy played a huge role in preserving regional culture. The clergy of the Staritsky Upper Volga region were members of the Tver Scientific Archival Commission, subscribers of historical journals, collectors of local folklore and archivists. The old manors, being at a distance from the provincial center, and possessing a powerful cultural and historical potential, had a great influence on the culture of the county as a whole, their artistic values served as the core of the collection of the county museum.

*Keywords:* Staritsky Upper Volga region, cultural landscape, regional identity, provincial culture, cultural heritage, cultural memory, local history, county museum

*For citation:* Voronova, S.A. (2022), "The role of the cultural landscape in the formation of the regional identity of the Staritsky Upper Volga region at the turn of the 19–20<sup>th</sup> centuries", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 7, pp. 21–35, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-21-35

## Введение

Региональные памятники культуры, культурные традиции, исторические ремесла являются отражением целей, мыслей, творческого гения людей, проживающих на определенной территории. Комплексное их изучение в составе культурного ландшафта позволяет выявить определенные исторические процессы, роль ценностей традиционной культуры в современной социокультурной среде. Согласно информационно-аксиологическому подходу Ю.А. Веденина и М.Е. Кулешовой [Веденин, Кулешова 2004], в формировании культурного ландшафта значительную роль играют духовные и интеллектуальные ценности, передаваемые в виде информации от поколения к поколению.

Материальная и нематериальная культура соотносится с особенностями той территории, на которой она развивается. В документе Квебекской декларации<sup>1</sup> по сохранению духа места, принятой в Квебеке (Канада) 4 октября 2008 г., отмечается, что формированию места и приданию ему духа способствуют материальные (достопримечательные места, здания, ландшафты) и нематериальные элементы (воспоминания, рассказы, письменные

---

<sup>1</sup>Квебекская декларация по сохранению духа места [Электронный ресурс]. URL: [ISSN 2686-7249 Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 7](https://docviewer.yandex.ru/view/160567898/?*=q6emPjbmYDmr02iZ8nar%2Fm2SWkR7InVybCI6Imh0dHBzOi8vb2J6b3IuY2l0eS9kYXRhL2ZpbGVzL2t2ZWJlay5wZGYiLCJ0aXRzZSI6Imt2ZWJlay5wZGYiLCJub2lmcFtZSI6dHJ1ZSwidWlkIjoiMTYwNTY3ODk4IiwidHMiOiJlMTEwNDI4NzIyNTIsInl1IjoiNjk3OTkxMDMyMTQ1NzI0NTcwOCIsInNlcnBQYXJhbXMiOiJ5YW5nPXJ1JnRtPTE2MTEwNDI4NTcmdGxkPXXJ1Jm5hbWU9a3ZlYmVrLnBkZiZ0ZXh0PSVEMCU5QSVEMCVCMiVEMCVNSVEMCVCMSVEMCVNSVEMCVCSVEMCVQSVEMSU4MSVEMCVCSVEMCVCMCVEMSU4RislRDAlQjQlRDAlQjUlRDAlQkElRDAlQkIlRDAlQjAlRDElODAlRDAlQjAlRDElODYlRDAlQjglRDElOEYmdXJsPWh0dHBzJTNBLY9vYnYpvcvi5jaXR5L2RhdGEvZmlsZXMva3ZlYmVrLnBkZiZscj0yMTMmbWltZT1wZGYmbDEwbj1ydSZzaWduPWY3N2NkOGE0NWFmNWRmM2FmMjcwNGUzYWVkbGVjOWIyJmJmleW5vPTAifQ%3D%3D&lang=ru (дата обращения 11 декабря 2021).</p></div><div data-bbox=)

документы, фестивали, торжественные мероприятия, обряды, традиционные знания, и т. д.), которые осязаемо воплощаются в культурном ландшафте в виде памятников, а неосяземо становятся внешними признаками региональной идентичности.

Эта проблематика является предметом пристального изучения в среде российских гуманитариев. По словам Р.Ф. Туровского,

...культурный ландшафт стал своеобразной подстилающей поверхностью, на которой строилось и продолжает строиться региональное самосознание [Туровский 2003, с. 139].

Ю.А. Веденин и М.Е. Кулешова [Веденин, Кулешова 2004, с. 15] рассматривают культурный ландшафт как пространство смыслов, среды обитания людей. Эти смыслы сосредоточены в известных в регионе архитектурных сооружениях; в личности гения места; в литературных или художественных произведениях, чьим вдохновением послужил регион; в памяти об исторических событиях; в легендах и мифах места; в традиционных общественных акциях; в ремеслах; топонимике. Как отмечает М.В. Назукина<sup>2</sup>, коллективные смыслы поддерживают единство регионального сообщества. И.М. Бусыгина подчеркивает важность наличия у местных жителей знания о своем регионе и связанных с ним эмоций для формирования региональной идентичности<sup>3</sup>. Активизация социокультурной роли объектов культурного и природного наследия в локальных обществах [Веденин 2018, с. 147]) создает необходимые условия для формирования регионального самознания.

Старицкий район Тверской области с центром в малом российском городе, с преимущественно традиционной сельской культурой, неспешностью социальной жизни имеет прочную взаимосвязь с живой природой, естественными ландшафтами. Тесный контакт жителей, их более глубокое чувство друг к другу всегда способствовали сохранению социальной информации и ее востребованности. Старица, будучи с момента возникновения Успенского монастыря духовным центром, центром золотного шитья Евфросиньи Старицкой, затем ставкой Ивана Грозного, его «Любим-городом», местом встречи со Стефаном Баторием, с началом эпохи железных дорог, обошедших город стороной, утрачивает свое значение и превращается в тихий уездный.

---

<sup>2</sup> Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2009.

<sup>3</sup> Бусыгина И.М. Политическая регионалистика. М.: РОССПЭН, 2006.

Осмотрев Старое городище, путешественник И.Ф. Тюменев в 1893 г. запишет:

Грустно и тяжело было смотреть на эту опустелую местность, где начиная с 1297 года, когда «срублен бьсть город на Волзе, ко Зубцову, на Старице», и вплоть до XVII столетия кипела жизнь, бушевали страсти, где люди жили, волнуясь своими крупными и мелкими интересами, работали, трудились... а теперь не только от них, но даже и от самого города не осталось ничего, и только ветер разгуливает по широкой равнине<sup>4</sup>.

Но, как отмечает А.В. Истомин, «чем древнее город, тем более возрастает значимость культурных ценностей, которые были созданы на протяжении столетий»<sup>5</sup>. Даже в период утраты городом прежнего значения старичане не оставались равнодушными к своей истории, выявляя, сохраняя и передавая потомкам индивидуальное своеобразие местной культуры. Земская реформа 1864 г. способствовала привлечению внимания лиц, участвовавших в усовершенствовании жизни родного края к изучению его особенностей. К этому времени появляются организации, ставящие задачу популяризации культурного наследия своей малой родины. Тверская ученая архивная комиссия (ТУАК), в чьем «Алфавите личного состава и действительных членов...»<sup>6</sup> из 100 фамилий 17 были старичане – представители разных сословий: купцы, дворяне, священнослужители, мещане – активно занималась выявлением, сохранением, систематизацией, описанием исторических памятников, организацией музеев, изданием краеведческой литературы, пропагандой знаний о своем крае. Старицкие любители истории родного края активно собирали коллекции предметов старины, занимались археологическими изысканиями, наблюдениями за природой, собиранием фольклора, стремились публиковать и популяризировать историко-культурные материалы посредством устройства открытых лекций.

---

<sup>4</sup> Тюменев И.Ф. Старица // Тверь в записках путешественников. Вып. 3: Водные пути Верхней Волги: Вторая половина XIX – начало XX века. Тверь, 2014. С. 344.

<sup>5</sup> Истомин А.В. Музей как константа культуры: центр и провинция // Центр – Провинция: Историко-психологические проблемы: Материалы Всерос. науч. конф. 6–7 дек. 2001 г. Санкт-Петербург. СПб.: Нестор, 2001. С. 198 [Электронный ресурс]. URL: <https://pandia.ru/text/77/28/96530.php> (дата обращения 11 декабря 2021).

<sup>6</sup> ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 436.

Культурно-символическое осмысление жителями Старицы отличительных черт своего места обитания документально подтверждается все теми же публицистическими материалами И.Ф. Тюменева. Среди повстречавшихся И.Ф. Тюменеву рыбаков, живших неподалеку от монастыря, оказался археолог, поделившийся сведениями о старом Борисоглебском монастыре. В память о разобранной по ветхости в 1803 г. постройке жители воздвигли каменную часовню-столб, который просуществовал вплоть до Великой отечественной войны (запечатлен на фотографии С.М. Прокудина-Горского<sup>7</sup>). Важно упомянуть, что до разбора Борисоглебский собор 1561 г. был зарисован местным старожилом Вережкиным:

Если бы местный старожил г. Вережкин не сделал в свое время рисунка с этого храма, мы не имели бы о нем никакого представления, а между тем старицкий Борисоглебский храм мог бы быть назван по стилю младшим братом московского Василия Блаженного<sup>8</sup>.

### *Формирование смыслов старицкой региональной культуры на рубеже XIX–XX веков*

Уникальные особенности территории являются основой для региональной самоидентификации. Неповторимость смыслов и образов в локальном пространстве становится важной для местного старицкого сообщества в конце XIX – начале XX в. Особо значимые места аккумулируют культурную память, вызывая у жителей чувство сопричастности с локусом, осознание и эмоциональную связь со своей территорией. Огромную роль в формировании культурных смыслов Старицы и Старицкого уезда в начале XX в. сыграл человек, обладавший широким кругом интересов и большой энергией. Это И.П. Крылов, почетный житель города с 1901 г.<sup>9</sup> Его интересовало все, что было связано с родным краем: от метеорологических наблюдений до археологических раскопок. И.П. Крылов являлся учредителем Старицкого общества православных хоругвеносцев, организации, принимавшей участие во всех патриотических манифестациях, торжественных богослуже-

<sup>7</sup> Родной брат С.М. Прокудина-Горского, В.М. Прокудин-Горский, проживал в имении Дубровском Кобелевской волости Старицкого уезда.

<sup>8</sup> Тюменев И.Ф. Указ. соч. С. 345.

<sup>9</sup> Журнал № 99 заседания ТУАК от 20 сентября 1905 года. С. 40 // ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 12374. Л. 157 об.

ниях и крестных ходах<sup>10</sup>. Общество имело хоругвь с изображением старицких святых – святителя Германа, Архиепископа Казанского, и преподобного Дионисия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря – уроженцев Старицкой земли, важных фигур в дискурсе региональной культуры.

В 1903 г. И.П. Крылов провел раскопки и сделал описания восьми курганов (Щапово, Старицкое городище). Делегация участников 2-го Областного археологического Съезда во главе с директором Общего архива Министерства Императорского Двора А.В. Половцевым посетила раскопки и небольшую выставку найденных при раскопках предметов, устроенную в старицком духовном училище. На состоявшейся затем беседе А.В. Половцев заметил:

Я нахожусь под большим впечатлением всего виденного и слышанного. Старица прежде на географической карте или совсем не была обозначена никаким знаком, или обозначена малою точкою, но теперь этот городок в археологическом отношении будет иметь серьезное значение и на карте будет обозначен крупным знаком. По приезде в Петербург я везде буду разглашать о старицких раскопках<sup>11</sup>.

Собирая коллекцию предметов, найденных при археологических раскопках в Старицких курганах, И.П. Крылов способствовал созданию Старицкого исторического музея. Экспозиция располагалась первоначально в его доме, где появилась табличка: «Музей местной истории». «Такая мысль должна прийти каждому человеку, мало-мальски любящему свою родину и ее историю»<sup>12</sup>, – писал он. И.П. Крылов не ограничивался метеорологическими наблюдениями и раскопками. 23 августа 1910 г. он обратился к губернатору с прошением об учреждении в Старице специального историко-краеведческого журнала «Тверская старина». Необходимость организации такого издания И.П. Крылов пояснял так:

Знать... прошлое местного края необходимо для всякого культурного человека... На культурном западе почти каждый может сообщить

---

<sup>10</sup> *Шитков А.В.* Заложник эпохи: Материалы к жизнеописанию Почетного гражданина города Старицы Ивана Петровича Крылова – издателя, краеведа и общественного деятеля. Старица, 2017.

<sup>11</sup> *Крылов И.П.* Археологические раскопки в бывшем Старицком Кремле, произведенные в 1903 году. Старица, 1905. С. 44.

<sup>12</sup> *Крылов И.П.* Старица и ее достопримечательности. Старица, 1915. С. 104.

о прошлом своей местности. О том или ином памятнике древности. Но у нас часто не только не имеют этих сведений. Но даже бессознательно истребляют те самые памятники, которые имеют огромное значение для науки<sup>13</sup>.

В журнале И.П. Крылов планировал размещать статьи по истории Тверского края, исторические документы: договорные грамоты тверских князей, фрагменты тверских писцовых книг, описную книгу старицкого Успенского монастыря, Микулинскую летопись, данные о «живой старине» – обычаях и обрядах тверичей, заметки об исследователях Тверского края и знаменитых земляках. Ответственным редактором журнала стал А.Н. Вершинский, смотритель Императорского Археологического института. Выпуски журнала имели невысокую стоимость, поэтому были доступны широкому кругу читателей. Объясняя появление издания такой направленности в уездном, а не в губернском центре, Л. Котлярская отмечает специфику взаимоотношений центра и «провинции» в Российской империи в начале XX в.:

Центр не должен стягивать к себе культурные силы... Такой мыслящей «глубинкой» и была дореволюционная Старица. Роль, сыгранная ею в создании общетверского исторического журнала, убедительно доказывает уровень ее культурного развития [Котлярская, Фрейденберг 1990, с. 24].

До 1913 г. успело выйти 24 номера журнала. Сам И.П. Крылов опубликовал на его страницах за это время более 20 статей по истории, археологии и культурному наследию Старицкого уезда. В поисках новых подписчиков журнала «Тверская Старица» издатель И.П. Крылов обращался к Тверскому архиерею высокопреосвященному Антонию. Суть просьбы была в рекомендации подписки журнала местному духовенству, поскольку статей, касающихся истории местных церквей, в журнале было достаточно.

И.П. Крылов известен также своей страстью к коллекционированию. В отличие от других провинциальных коллекционеров, он имел возможность щедро платить за приобретаемые у антикваров и частных лиц старинные вещи и документы. Собранные артефакты требовали систематизации и демонстрации общественности. Так, в 1903 г. появляется брошюра И.П. Крылова «Старица и ее достопримечательности», в 1915–1916 гг. – серия брошюр «Достоприме-

---

<sup>13</sup> Тверская старина: исторический журнал. 1913. № 1 (январь–февраль). С. 4–5.

чательности в уезде». В последней работе в трех выпусках собраны исторические документы, данные археологических раскопок, рассказы старших современников автора, народные предания.

Духовная жизнь Старицы всегда была наполнена яркими символами: Старицкий Успенский монастырь, известный деятельностью Дионисия Радонежского и патриарха Иова, сельские храмы и часовни, святые источники. Поэтому старицкое духовенство активно интересовалась история родного края. Священник Георгиевской церкви села Юрьевское Алексей Дмитриевич Ушаков, будучи членом Тверской ученой архивной комиссии (ТУАК), собрал и опубликовал материалы по истории сел Юрьево, Спас, Мичково, активно участвовал в археологических раскопках, собирал фольклорный материал (песни, легенды, сказания) и публиковал его в Тверских епархиальных ведомостях. Например, «Крестьянская свадьба конца XIX в. в Старицком уезде Тверской губернии. Свадебные обряды, гадания, приговоры, причитания и песни», «Схинонах Иона, строитель Иванишского монастыря».

Деятельность другого священника города Старицы, С.И. Покровского, была связана с архивной работой. Им составлена «Опись архивного фонда Богоявленской церкви города Старицы». Являясь членом ТУАК, он выступал с лекциями в Старицком епархиальном училищном совете среди священников уезда, а после 1917 г. просил возложить на себя заведывание всеми архивами города. Вскоре, по просьбе прихожан, С.И. Покровский вернулся к службе в Богоявленском храме. Однако он написал прошение в Губархив:

Я не желаю бросать это дело, которое Вы мне дали, из чувства признательности я буду работать... Платы не назначаю никакой. Все, что дадите, беру с благодарностью, единственно – не отдаляйте от дела, ибо дело интересное...<sup>14</sup>.

С.И. Покровский проделал огромный труд, сделав городскую опись, в которой насчитывалось 2438 дел.

Священник Василий Миролюбов церкви Успения Пресвятой Богородицы с. Бернова, по просьбе известного историка и пушкиниста Б.Л. Модзалевского, копировал надписи на надгробиях берновского кладбища и делал выписки из метрических книг о семье Вульфов и других прихожанах берновской церкви с 1804 по 1908 г. Кроме того, В. Миролюбов собрал 2000 частушек-прибауток, которые Императорская Академия наук, к сожалению, издать отказалась. Желая опубликовать их, священник обращается с просьбой

---

<sup>14</sup> ГАТО. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 23. Л. 63.

к Б.Л. Модзалевскому о содействии в публикации и о написании отзыва к ним<sup>15</sup>.

Немалую роль в спонсировании археологических раскопок и оказании финансовой помощи в реставрации церквей оказывало местное купечество. Так, Николай Михайлович Клушанцев, будучи церковным старостой Васильевской кладбищенской церкви, выделил средства для ее поновления. Сергей Владимирович Веревкин, как городской староста, оказывал помощь в проведении экскурсии по городу для делегатов второго Областного археологического съезда. Вышеупомянутые купцы были яркими представителями ТУАК от старицкой земли.

Старицкие работники образования стояли у истоков развития местного краеведения. Будучи учителем в Микулинской сельской школе 3-й ступени Старицкого уезда, А.Н. Вершинский в докладной записке Старицкому Управлению народного образования (УНО) в 1918 г. предлагает разработать пособия по истории культуры местного края и издавать их. УНО решает поручить А.Н. Вершинскому взять на себя издание «Альбома памятников первобытной культуры, этнографического искусства Старицкого уезда». В «Отчете от 2 июля 1923 г. об экспедиции студентов Тверского университета в Старицкий уезд»<sup>16</sup>, А.Н. Вершинский волнуется о состоянии Пушкинских уголков Старицкого уезда и необходимости их сохранения от полного исчезновения.

### *Актуализация нематериального культурного наследия региона в культурном ландшафте*

Материальные объекты культурного наследия являются носителями нематериальной информации и способствуют формированию групповой самоидентификации локальных сообществ. В публичных акциях, приуроченных к памятным датам уезда (почитание Дионисия Радонежского), или шествиях к святым источникам использовались символы и контексты, отсылающие к прошлому. Памятники культурного наследия в культурном ланд-

---

<sup>15</sup> *Строганов М.В.* Письма берновского священника В. Миролубова к Б.Л. Модзалевскому // Пушкинские чтения. Берново. Вып. 4. Старица, 2015. С. 60.

<sup>16</sup> Отчет А.Н. Вершинского о результатах экспедиции студентов Тверского педагогического института в Старицкий уезд 27 июля 1923 г. // ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 71. Л. 10–12.

шафте в данном случае являются маркерами исторической памяти на таких мероприятиях. Как отмечает А.Ю Швая<sup>17</sup>, крестный ход можно рассматривать как социальный перформанс, направленный на оживление культурной памяти.

В первой четверти XX в., по свидетельствам старицких краеведов, регулярно проходили крестные ходы к святыням уезда. Так, И.П. Крылов писал, что

...близ деревни Десятины находится местность, где было раньше село Ильинское, в котором стоял храм, где в XVI в. служил преподобный Дионисий, будущий настоятель Троице-Сергиевой Лавры. Сейчас здесь нет никаких следов от деревни и церкви, кроме одного вала. В настоящее время в сей местности находится часовня, построенная в память Преп. Дионисия в 1905 г. Ежегодно 12 мая из церкви Глебова к сей часовне совершался торжественный крестный ход при большом стечении молящихся<sup>18</sup>.

Около деревни Бабынино при Черном ручье когда-то находился маленький кирпичный памятник в честь святителей первоверховных апостолов Петра и Павла – колодец-ключ. «Местечко это, – писал И.П. Крылов, – издавна пользуется большим почитанием в приходе, и каждый год, 29-го июня, из церкви с. Глебова сюда совершается крестный ход, также при большом стечении молящихся»<sup>19</sup>. То есть культурный ландшафт в данном случае является пространством, где конструируются коллективные нарративы о прошлом, наполненные культурным содержанием.

---

<sup>17</sup> Швая А.Ю. Конструирование прошлого в православном дискурсе в публичном пространстве Санкт-Петербурга: Выпускная квалификационная работа. СПб., 2019 [Электронный ресурс]. URL: [https://docviewer.yandex.ru/view/160567898/?\\*=I5Osp3W7jKcxl%2B93seSKSrZkMRp7InVybCI6InlhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySlJYbFVGb2V3cnVDM1JkbFdkQjV1VUpDaTljak1CNDRSN21remJHel9PalRzUHJmT1QweHBEWXZiWHBleTBjb1Y4SWFDeXpyUHhMZUVUbHU5TmVmX2QxTHV kUKcwRzhUSmNIMTVkWlpkZDRYSFIxSkV0UFhDRG51SGJ6UEktZl83enhIVmR2ZS1WcFE9PT9zaWduPXkySk1oS3pPTEdaVGZiMWhTVkZESWFVbXVYdFN1ZEEx3T1VYcUxseEZEVGc9IiwidGloBGuIoiJTdmFhX1ZLUi5kb2N4Iiwibm9pZnJhbWUiOmZhbHNlLCJ1aWQyOiIxNjA1Njc4OTgiLCJ0cyI6MTYzOTIzNTkzOTEyOSwieXUUiOiI2OTc5OTEwMzIxNDU3MjQ1NzA4In0%3D](https://docviewer.yandex.ru/view/160567898/?*=I5Osp3W7jKcxl%2B93seSKSrZkMRp7InVybCI6InlhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySlJYbFVGb2V3cnVDM1JkbFdkQjV1VUpDaTljak1CNDRSN21remJHel9PalRzUHJmT1QweHBEWXZiWHBleTBjb1Y4SWFDeXpyUHhMZUVUbHU5TmVmX2QxTHV kUKcwRzhUSmNIMTVkWlpkZDRYSFIxSkV0UFhDRG51SGJ6UEktZl83enhIVmR2ZS1WcFE9PT9zaWduPXkySk1oS3pPTEdaVGZiMWhTVkZESWFVbXVYdFN1ZEEx3T1VYcUxseEZEVGc9IiwidGloBGuIoiJTdmFhX1ZLUi5kb2N4Iiwibm9pZnJhbWUiOmZhbHNlLCJ1aWQyOiIxNjA1Njc4OTgiLCJ0cyI6MTYzOTIzNTkzOTEyOSwieXUUiOiI2OTc5OTEwMzIxNDU3MjQ1NzA4In0%3D) (дата обращения 11 декабря 2021).

<sup>18</sup> Крылов И.П. Достопримечательности в уезде. Вып. 2. Старица, 1916. С. 21.

<sup>19</sup> Там же.

В местности с небольшим населением актуальна устная культура, поэтому велика роль бытования мифа. Так, И.Ф. Тюменев в своих записках сообщал о выделении знакового и таинственного места в пространстве города Старицы: местные жители настоятельно советовали ему посетить часовню на краю города по московской стороне. Якобы

...на этом месте умер патриарх Иов, возвращаясь из Москвы, другие утверждали, во времена перенесения тела патриарха в Москву на этом месте остановились лошади, везшие мощи, и не хотели тронуться с места, когда же их начали понуждать, то они оторвали себе не то подковы, не то самые копыта – верный признак того, что святителю не угодно было расставаться со своею Старицею<sup>20</sup>.

Мифологемы являются неотъемлемой частью конструирования региональной идентичности. Е.В. Головнева [Головнева 2016, с. 258] рассматривает их как возможность повышения статуса, возвышение истории и культуры своего города. В контексте мифологизации пространства актуализируется чувство эмоциональной сопричастности жителей своим родным местам.

### *Роль усадебного ландшафта в сохранении культурной памяти*

Старицкие усадьбы, находясь на удалении от губернского центра и обладая мощным культурно-историческим потенциалом, имели большое влияние на культуру уезда в целом. В архивах усадеб хранилась информация о традиционном хозяйствовании: юридическая, служебная документация, письма, материалы по истории рода и поместья, творческой деятельности хозяев, художественные ценности. В усадьбах Берново, Малинники, Павловское, Чукавино бывал А.С. Пушкин и оставил записи в альбомах А.Н. Вульф и М.В. Борисовой, стихотворную запись на дереве в парке Берново. В форме сначала устного сообщения плотника деревни Малинники, крестьянина Гавриила Ермолаева, записанный краеведом Д.А. Цветковым со слов его внука, а затем задокументированного в старицкой газете «Верный путь»<sup>21</sup>, сохранился рассказ о встрече с поэтом.

---

<sup>20</sup> Тюменев И.Ф. Указ. соч. С. 358.

<sup>21</sup> Верный путь. 1972. 3 июня.

Владельцы усадеб, стремясь сохранить память о своих предках, передавали семейные архивы на хранение в тверской музей. Так, в 1894 г. А.Е. Поликарпов, владелец имения Панафидино, пожертвовал Тверскому музею часть фамильного архива. В 1903 г. Н.В. Поликарпова дополнила переданный архив документами XVIII–XIX вв.<sup>22</sup>

Революционные события 1917 г. вначале не влияли на усадебный быт, в имениях до 1919 г., несмотря на постановление ВЦИК «О социальном землеустройстве», продолжали жить прежние владельцы<sup>23</sup>. Такое положение вещей было не исключительным в России в первые годы после революции. Как отмечает М.А. Полякова [Полякова 2021, с. 49], мемуары и архивные документы подтверждают, что владельцы усадеб получали надел земли от земельных комитетов и самостоятельно обрабатывали его, без использования наемной силы, таким образом часто спасаясь от голода. По циркуляру Наркома от 16 сентября 1918 г., земельные комитеты получили право оставлять на местах тех помещиков, которые не проявляли контрреволюционных стремлений и вели хозяйство, не прибегая к наемному труду. Так, например, Инна Степановна Панафидина, бывшая владелица усадьбы Малинники, была выселена из усадьбы только в 1926 г. Дворянин имения Беклово Луковниковской волости Владимир Сергеевич Болт писал в Старицкий уездный земельный комитет:

Желая и в настоящее время не быть тунеядцем, а служить целям культурного пользования землею, прошу оставить меня в качестве заведующего имением на прежних основаниях до сдачи его агроному, назначенному наблюдать за имением, как культурным. При приеме имения агрономом – оставить меня в качестве помощника агронома...<sup>24</sup>

В 1918 г. помещики Панафидины открыли для населения в Курово-Покровском школу, где обучали детей «всем предметам и иностранным языкам»<sup>25</sup>.

---

<sup>22</sup> *Быкова Л.А.* Усадебные архивы [Электронный ресурс] // Тверская усадьба: Указатель архивных документов, книг и статей: (1900–1995). Ч. 1. Тверь, 1996. URL: <https://proza.ru/2017/04/17/1732> (дата обращения 11 декабря 2021).

<sup>23</sup> ГАТО. Ф. Р-1320. Оп. 2. Д. 120. Л. 276–276 об.; Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 42. Л. 121.

<sup>24</sup> Пушкинские чтения. Берново: Сб. статей по материалам Пушкинских чтений. Вып. 4. Старица, 2015. С. 201.

<sup>25</sup> ГАТО. Ф. Р.-1320. Оп. 2. Д. 120. Л. 345.

## Заключение

Культурная ценность провинции заключается в способности создания ее жителями собственного самобытного мира. Информационно-символическое поле культурного ландшафта воздействует на формирование регионального самосознания через смыслы региональной культуры. Вследствие своей насыщенности символическими значениями и воплощенными ценностями, культурный ландшафт Старицкого Верхневолжья стал той основой, на которой происходила передача традиций, формирование локального самосознания. В локальном старицком сообществе на рубеже XIX–XX вв. можно отметить активную и ответственную позицию местных жителей по отношению к своему региону: сохранение памяти места, формирование представлений о его уникальности. В сообществе была организована исследовательская работа: успешно проводились археологические раскопки и архивные изыскания. Эта работа координировалась сначала губернским археологическим обществом, затем подотделами культуры. В тот период зарождалось новое историческое знание – краеведение, получившее свое развитие после революции 1917 г. В качестве примеров развития методики описания провинциального региона можно привести исследования И.П. Крылова и А. Вершинского. Они оценивали значимость историко-культурных предметов, явлений и событий с точки зрения жителей региона, выявляя все новые объекты культурного и природного наследия, создавали огромный пласт информации, фиксировали и систематизировали его. Организация в тот период местного музея способствовала формированию и развитию устойчивых представлений о своеобразии локальной традиционной культуры. Таким образом, в актуализации памятных мест, создании исторического журнала, исследовательской работе и создании музея формировалось региональное самосознание жителей Старицкого Верхневолжья.

## Литература

---

- Веденин 2018 – *Веденин Ю.А.* География наследия: Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М.: Новый хронограф, 2018. 472 с.
- Веденин, Кулешова 2004 – *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.; СПб.: Ин-т наследия: Д. Буланин, 2004. С. 13–36.
- Головнёва 2016 – *Головнёва Е.В.* Мифологизация как способ конструирования городской идентичности // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (152). С. 43–49.

- Котлярская, Фрейденберг 1990 – *Котлярская Л., Фрейденберг М.* Из истории Тверской культуры: Анатолий Николаевич Вершинский. Тверь, 1990. 160 с.
- Полякова 2021 – *Полякова М.А.* Культурное наследие в музейных источниках: русская усадьба после 1917 года // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1 (101). С. 43–50.
- Туровский 2003 – *Туровский Р.Ф.* Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб., 2003. С. 139–173.

## References

---

- Golovneva, E.V. (2016), “Mythologization as a way of constructing urban identity”, *Ural Historical Journal*, no. 3 (152), pp. 43–51.
- Kotlyarskaya, L. and Freidenberg, M. (1990), *Iz istorii Tverskoi kul'tury: Anatolii Nikolaevich Vershinskii* [From the history of Tver culture: Anatoly Nikolaevich Vershinsky], Tver, Russia.
- Polyakova, M.A. (2021), “Cultural heritage in museum sources: the Russian estate after 1917”, *The bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, no. 1 (101), pp. 43–50.
- Turovskii, R.F. (2003) “Correlation of cultural landscapes and regional Identity in Modern Russia”, *Identichnost' i geografiya v postsovetskoj Rossii*, Saint Petersburg, Russia, pp. 139–173
- Vedenin, Yu.A. (2018), *Geografiya naslediya. Territorial'nye podkhody k izucheniyu i sokhraneniyyu naslediya* [Geography of heritage. Territorial approaches to the study and preservation of heritage], Novyi khronograf, Moscow, Russia.
- Vedenin, Yu.A. and Kuleshova, M.E. (2004), “Cultural landscape as a category of heritage”, Vedenin, Yu.A. and Kuleshova, M.E. (eds.), *Kul'turnyi landshaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural landscape as a category of heritage], Institut naslediya, D. Bulanin, Moscow, Saint Petersburg, Russia, pp. 13–37.

## Информация об авторе

*Светлана А. Воронова*, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; svetlana1916007@rambler.ru

## Information about the author

*Svetlana A. Voronova*, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; svetlana1916007@rambler.ru

«Старое» и «новое» в христианской культуре XX в.:  
«Православное Дело» матери Марии (Скобцовой)

Лидия В. Крошкина  
*Российский государственный гуманитарный  
университет, Москва, Россия,  
Свято-Филаретовский институт,  
Москва Россия, lida.kroshkina@gmail.com*

*Аннотация.* Статья посвящена теме «старого» и «нового» в контексте христианской культуры XX в. Живые связи внутри традиции, их творческое осуществление – вопрос, обсуждаемый в «парижском богословии» в 1930-е годы. Церковное Предание – не что-то застывшее, но постоянный процесс духовного творчества. Монахиню Марию (Скобцову) часто воспринимают как новатора, отвергающего традицию. Статья опровергает это восприятие как ошибочное. Мать Мария не только новатор, но и хранитель, она видит христианскую историю как чередование эпох творческих подъемов и хранения остывающего огня, гениальных открытий и бережения культурных сокровищ. Контекст эпохи – то, что оправдывает или осуждает ее деятелей, хранителей или новаторов. В периоды сломов невозможно только «хранить», но требуется творческое переосмысление традиции. Значимость органического преемства «старого» и «нового» как звеньев одной цепи и частей органического целого бесспорна, но важнее различить в них подлинный дух Православия. Мать Мария считает необходимым отличить и в «старом», и в «новом» достойное от недостойного, из недостойного она называет индивидуализм, духовное бережение и стилизацию. Объединение «Православное Дело» предлагает бескомпромиссное методологическое новаторство – соборно-личный метод в созидании общей жизни и социального служения. Надежды на то, что зарубежное монашество станет авангардом церковного обновления, не оправдались.

*Ключевые слова:* Мать Мария (Скобцова), старое, новое, традиция, предание, церковь, социальное христианство, свобода, соборно-личный метод

*Для цитирования:* Крошкина Л.В. «Старое» и «новое» в христианской культуре XX в.: «Православное Дело» матери Марии (Скобцовой) // Вестник РГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 7. С. 36–47. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-36-47

---

© Крошкина Л.В., 2022

The “Old” and the “New”  
in Christian culture of the 20<sup>th</sup> century:  
“Orthodox Affair” association of mother Maria (Skobtsova)

Lidiya V. Kroshkina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,  
St Philaret's Institute, Moscow, Russia; lida.kroshkina@gmail.com*

*Abstract.* The article is devoted to the concept of the “old” and “the new” in the context of Christian culture of the twentieth century. Living connections within the tradition, their creative implementation is an issue discussed in “Parisian theology” in the 1930s. Church Tradition is not something frozen, but a constant process of spiritual creativity. Nun Maria (Skobtsova) is often perceived as an innovator, rejecting tradition. The article refutes this perception as erroneous. Mother Maria is not only an innovator, but also a conservator, she sees Christian history as alternation of epochs of creative enthusiasm or keeping the flame alive, ingenious discoveries or preservation of cultural treasures. It is the context of the epoch that justifies or condemns its doers: conservators or innovators. During crucial periods it is impossible only to maintain the tradition, it needs creative rethinking. The significance of organic succession of the “old” and the “new” as links of the same chain and parts to the organic whole is undeniable, but it is important to identify the true spirit of Orthodoxy in them and to develop a new method. Mother Mary considers it necessary to distinguish worthy from unworthy both in the “old” and in the “new”, she calls individualism, spiritual self-preservation and stylization unworthy. The “Orthodox Affair” Association offers uncompromising methodological innovation – a conciliar (soborny) – personal method in creating a communal life and social service. Hopes for the monkhood in Russian diaspora to become the vanguard of church renewal did not come true.

*Keywords:* Mother Maria (Skobtsova), the “old”, the “new”, tradition, Tradition, church, social Christianity, freedom, conciliar(soborny)-personal method

*For citation:* Kroshkina, L.V. (2022), “The ‘Old’ and the ‘New’ in Christian culture of the 20<sup>th</sup> century: ‘Orthodox Affair’ association of mother Maria (Skobtsova)”, *RSUH/RGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 36–47, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-36-47

Вопрос о «старом» и «новом» не нов, но является одним из ключевых для самой идеи культуры как способа передачи знаний и образа жизни. Для христианства он изначально был полем конфликтов, о чем повествуют первые новозаветные тексты. Христос

в одной из притч о Царстве Небесном привел образ хозяина-книжника, выносящего из своих *запасов* (так переводит слово «сокровищница» С.С. Аверинцев<sup>1</sup>) «старое» и «новое»: «всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (Мф. 13:52)<sup>2</sup>. Это образ живого предания, естественной связи времен, здорового преемства, когда новое вытекает из того, что было прежде. Таков процесс развития почтенных традиционных культур, основанных на передаче от отцов к детям веры, знаний, представлений, форм и образа жизни. «Старое» и «новое» в таком процессе остро не противоречат, но дополняют друг друга, становятся живыми звеньями цепи времен.

Современная эпоха «пост-», ставшая следствием «страшного разрыва поколений» и последующего «тоталитарного беснования»<sup>3</sup>, отражает евангельскую притчу и образ доброго книжника в зеркальной проекции. В ней «старое» и «новое» не преемствуют, как в традиционных культурах, и не отрицают друг друга (как в эпоху модерна), а сосуществуют автономно, их взаимоотношения утрачивают аксиологическое измерение.

В жизни церкви с самого ее основания можно видеть непротиворечивый конфликт «ветхого» и «нового». Главная книга христиан несет его в самом названии («Новый Завет»), как бы позиционируя свою инаковость по отношению к прежнему. В евангельском повествовании мы наблюдаем, что почтенные книжники и фарисеи воспринимают Христа как разрушителя *старого* общепринятого благочестия, именуемого «законом». Несмотря на то что Христос говорит о законе: «не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5:17; исполнить – означает не только выполнить, но и довести до полноты), законниками каждое слово Христа воспринимается как посягательство на прежний порядок.

В XXI в., имея многотомные исследования библейских текстов, мы знаем, что «Новый Завет» преемственно связан с «Ветхим», что выражается самой структурой книги, которую в христианской традиции называют Библией и которая состоит из двух неравных

<sup>1</sup> Аверинцев С. Собр. соч. / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы; Пер. с древнегреч. и древнеевр. К.: ДУХ І ЛИТЕРА, 2007. С. 34.

<sup>2</sup> Цит. по: Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: В рус. пер. с прил. 4-е изд. Брюссель: «Жизнь с Богом», 1989. С. 1520. *Здесь и далее Библия будет цитироваться по этому изданию.*

<sup>3</sup> Аверинцев С. Собр. соч. / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. София-Логос. Словарь. К.: ДУХ І ЛИТЕРА, 2006. С. 647–648.

частей, «старых» и «новых» текстов. Несмотря на многочисленные попытки в истории христианства отбросить первую, «ветхую», часть, преемство заветов в Библии сохраняется. Любой «книжник», т. е. исследователь, наученный основам понимания Библии, имеет возможность «доставать» из нее и «старое», и «новое», памятуя древний антиномический принцип о том, что Новый Завет скрывается в Ветхом, а Ветхий через Новый раскрывается<sup>4</sup>. На языке христианской теологии это называется живым преданием.

Наследие русских религиозных мыслителей XX в. (прот. Сергия Булгакова, Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, В.В. Зеньковского и мн. др.), в число которых входит монахиня Мария (Скобцова), характеризуется творческим переосмыслением понятия «предание» и желанием, с одной стороны, восстановить разорванную связь времен, с другой – сделать это творчески.

Одним из результатов размышлений русской эмиграции на эту тему стал сборник «Живое Предание», который вышел в свет в 1937 г. в Париже<sup>5</sup> и стал оформлением интуиций русских религиозных мыслителей о Предании Церкви. Основная мысль сборника – необходимость творческого продолжения церковной традиции, которая в силу исторической ограниченности не дает ответов на целый ряд вопросов, стоявших перед современниками и современной церковью. Духовный лидер РСХД, один из основателей Свято-Сергиевского Богословского института в Париже, прот. Сергей Булгаков писал об этом:

Святоотеческое предание, при всей его священности, как и при всей необходимости и обязательности точнейшего его учета, не может являться для нас только делом, уже сделанным до нас, для нас и вместо нас, для принятия к руководству с пассивным послушанием. Напротив, оно входит с необходимостью в нашу собственную активность: имея этот дар, мы должны не зарыть его в землю, но собственным творческим усилием преумножить<sup>6</sup>.

Мать Марию (Скобцову) Н.А. Бердяев назвал «новой душой», имея в виду ее способность соединять несоединимое – полити-

---

<sup>4</sup> Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С. 14\*.

<sup>5</sup> См.: Живое Предание: Православие в современности: Сб. ст.. Париж: УМСА-Press, 1937. 194 с. Переиздан в 1997 г. в издательстве СФИ (Живое Предание: Православие в современности: Сб. ст. М.: СФИ, 1997. 226 с.).

<sup>6</sup> *Булгаков Сергей, прот.* Догмат и догматика // Живое Предание: Православие в современности: Сб. ст. М.: СФИ, 1997. С. 15.

ческую, поэтическую, общественную и церковную деятельность. Действительно «новое» – это ключевое понятие в ее судьбе и творчестве, но ошибочно было бы думать, что оно находится в острой оппозиции «старому». Напротив, для матери Марии важно восстановление каждого живого звена в разорванной цепи предания. Новизна не может не быть укоренена в старом, прежнем. Разрыв в традиции нарушает живые связи и обрывает саму жизнь: «В цепи порвется лишь одно звено, / И цепь испорчена. Тут оборвалась / Былая жизнь», – утверждает мать Мария в поэме «Духов день»<sup>7</sup>.

В статье «Оправдание фарисейства» (1938) мать Мария предлагает посмотреть на мировую историю как на чередование «мучительных и трагических подъемов» с эпохами «блюдения огня, консервирования уже потухающих порывов»<sup>8</sup>. Значение первых – «возжигание»<sup>9</sup> и начинание новых путей (это времена пророков, творцов и гениев), вторых – хранение и бережение нажитых духовно-культурных сокровищ (времена книжников и фарисеев). В эпохи творческого затухания фарисей, по мнению матери Марии, может быть оправдан, так как он сохраняет, пусть остывшие, плоды подлинных огненных прорывов, пророческих откровений и завещаний:

...они праведно защищают христианство от вечно пребывающего в мире язычества, культа мелких страстей, предрассудков, культа самых разнообразных идолов, тельцов из разных металлов – железного тельца государственной мощи, золотого экономического благополучия<sup>10</sup>.

Оценить наследие тех или иных деятелей возможно только в контексте их эпохи. Например, двести послепетровских лет привели русскую церковь к обмирщению, к отпадению «всей ищущей культурной части русского народа, русской интеллигенции, от Церкви»<sup>11</sup>, результатом чего стала русская революция и катастрофа XX в. Преодолеть катастрофу невозможно путем возвращения к духовным сокровищам допетровских времен – в периоды сломов

<sup>7</sup> Кузьмина-Караваева Е. Мать Мария. Духов день // Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 269.

<sup>8</sup> Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария). Оправдание фарисейства // Жатва Духа: Религиозно-философские сочинения. СПб.: Искусство-СПб., 2004. С. 252.

<sup>9</sup> Там же. С. 255.

<sup>10</sup> Там же. С. 255–256.

<sup>11</sup> Там же. С. 257.

бережение не имеет смысла, требуются новые взгляд, подход, метод. Катастрофическая эпоха требует трезвой оценки своего экстраемального состояния, которое С.С. Хоружий назвал «на краю» [Хоружий 2018]. Оно предполагает понимание и фиксацию беспаяматства – новых отношений «старого» и «нового» как результата разрыва связи между эпохами и поколениями.

Мать Мария эту ситуацию *регистрирует* (по выражению С.С. Хоружего [Хоружий 2018]) как стояние «у нового порога», где «оборвалась былая жизнь», но и где «льют новое вино»<sup>12</sup>. Когда обрываются связующие жизнь звенья, недостаточно их просто обновить, надо пересмотреть сам способ их соединения и состав цепи. Когда происходит системный сбой, надо исправлять не только комплекующие, но и способы, методы связей. Иначе «новое», как в евангельской притче, разрушит ветхие сосуды.

Мать Марию часто воспринимают как новатора, модерниста, не уважающего традицию; подчеркивают, что монашество ее – не совсем монашество, и церковность – не церковность; есть те, кто и ее мученичество не принимает в расчет. Известна полемика матери Марии с прот. Сергием Четвериковым, обвинившим ее в оскорблении, говоря современным юридическим языком, *чувств верующих*, в будто бы зачеркивании Святой Руси<sup>13</sup>. Обвинение было связано со статьей матери Марии «Испытание свободой» (1937)<sup>14</sup>, в которой она утверждала уникальное положение русской эмигрантской церкви, впервые в истории получившей дар свободы как от гонителей, так от вековых традиций, связывающих церковь с государством.

Однако мать Марию по праву можно назвать не только *двигателем*, но и *хранителем*, если рассмотреть, насколько значимым для нее было мудрое сочетание «старого» и «нового». «Мы сейчас стоим в начале некой новой церковной эпохи»<sup>15</sup>, – говорила она. Эта эпоха – гибельная, она предъявляет к христианам особые требования. Старая традиция прервана, новая – только зарождается. Разрыв говорит о проблемах не только внешних, но и внутренних, как бы указывая, что не все в «старом» было подлинно, раз произошла катастрофа. Поэтому необходимо провести своеобразную ревизию:

<sup>12</sup> Кузьмина-Караваева Е. Мать Мария. Духов день... С. 269–270.

<sup>13</sup> Четвериков Сергей, священник, Юрьева И.К. Письмо в редакцию: Отзыв на статью монахини Марии «Испытание свободой» // Вестник. Орган церковно-общественной жизни (РСХД). 1937. № 3/4. С. 21–24.

<sup>14</sup> Мария монахиня. Испытание свободой // Там же. № 1–2. С. 11–15.

<sup>15</sup> Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария). Оправдание фарисейства // Жатва Духа... С. 256.

Мы не имеем права безоговорочно умиляться на все прошлое – многое из этого прошлого гораздо выше и чище нас, но многое греховно и преступно<sup>16</sup>.

Мать Мария предлагает не только пересмотреть «старое», но и активно *бороться* в нем с тем, что недостойно православного предания: индивидуализмом и духовным бережением. Отдельной проблемой она считает стилизацию, формальное отношение к традиции и априорное ее принятие, от которого религия умирает<sup>17</sup>. Прежде всего эти недуги проявляются в монашестве.

В 1932 г. Елизавета Юрьевна Скобцова приняла монашеский постриг, этот факт долго не могли принять некоторые ее друзья, например Н.А. Бердяев. Для него творческий образ Е.Ю. Скобцовой был не совместим с монашеской консервативной средой. Мать Мария, рассуждая о современных путях монашества, отмечает полное разрушение этого института в Советской России и надеется на то, что в эмиграции монашество, не связанное ни с бытом, ни со старыми формами жизни, сможет стать «крепким воинством»<sup>18</sup> нового социального христианства, обращенного к миру. Современный православный монах в эмиграции, вынужденный вместо монастыря служить на приходе, оказывается в ситуации перепутья, суть которого в том, что старые традиции изжиты, а новые еще не родились. Всякая попытка восстановления прежних форм не вернет ушедшие традиции и не решит задач сегодняшнего дня, если монах не откроется миру со всеми его язвами и болезнями, язычеством и самодостаточностью, от которых он, возможно, хотел уйти, принимая монашеские обеты. Мать Мария задается вопросом – нужно ли монашество сегодня, и сама себе отвечает: очень нужно, но не в монастырях, скитах и затворах, а на дорогах жизни, ведь «сейчас для монаха один монастырь – мир весь»<sup>19</sup>. Таким образом, всегда новая заповедь Евангелия «да любите друг друга» в гибельную эпоху ставит монаха перед трудным выбором: новое монашество в миру или никакое.

Представьте себе монаха, перед которым есть возможность выбирать: монастырь или мир. Пусть по складу своему и по представлению о монашестве он хочет монастырь. Не слишком ли много он хочет?

<sup>16</sup> *Мать Мария. Елизавета Кузьмина-Караваева. Испытание свободой // Жатва Духа... С. 426.*

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> *Мать Мария. Елизавета Кузьмина-Караваева. О монашестве // Жатва Духа... С. 114.*

<sup>19</sup> Там же.

...Монастырь – это санаторий духовный сейчас, не имеем мы на него все безоговорочного права. ...Христос отдал весь мир Церкви, и она не имеет права отказываться от его духовного устроения и преображения<sup>20</sup>.

Итак, духовное устроение и преображение мира – главное дело церкви, и монахи, по мнению матери Марии, призваны стать его главными двигателями. Некоторое время после пострига мать Мария надеялась на создание в эмиграции единого православного монашества в миру, но монашеская община, собранная ею в общезжитии для бездомных, рассеялась. Причина во многом связана с экклезиологическими<sup>21</sup> расхождениями. Несколько монахинь могли стать (но не стали) ядром созданного в 1935 г. парижского объединения «Православное Дело», известного в эмиграции как благотворительная и культурно-просветительская организация, которая оказывала помощь русским эмигрантам, а во время оккупации – гонимым евреям, беженцам лагерей, военнопленным. По замыслу матери Марии и ее ближайших сподвижников (Н.А. Бердяева, Ф.Т. Пьянова, священник Димитрия Клепинина, И.И. Фондаминского и др.), главной целью объединения была не благотворительность, а общая жизнь на новых основаниях: «нам нужно выращивать соборный организм, а не устраивать механическую организацию»<sup>22</sup>.

О соборности<sup>23</sup> в русской религиозной мысли первой половины XX в. говорят очень многие, особенно в русском студенческом христианском движении (РСХД)<sup>24</sup>, на воплощение ее решаются немногие. Мать Мария, которая с конца 1920-х гг. активно включается в деятельность РСХД, понимает острую необходимость в реализации идей русской религиозной мысли:

---

<sup>20</sup> Там же. С. 113–114.

<sup>21</sup> Экклезиология – учение о Церкви, часть богословия.

<sup>22</sup> Мать Мария (Скобцова). Объединение «Православное Дело» // Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1–2. Т. 1. Paris: YMCA-Press, 1992. С. 259.

<sup>23</sup> Соборность – понятие русской философии, означающее свободное духовное единение людей как в церковной жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви. Термин не имеет аналогов в др. языках. *Лазарев В.В.* Соборность [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН. URL: <https://iphlib.ru/greystone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0178cc6530a5c64973161178?p.s=TextQuery> (дата обращения 1 января 2019).

<sup>24</sup> Русское студенческое христианское движение (РСХД) – объединение христианской молодежи в эмиграции под руководством известных богословов, философов и др. деятелей культуры.

...не только в области теоретических построений, но и в области ежедневного... быта попробовать *осуществить* (курсив мой. – Л. К.) подлинную христианскую соборность, общую жизнь<sup>25</sup>.

Новое объединение «Православное Дело» воспринимается его членами «радостным и братским делом»<sup>26</sup> осуществления. Его новизна заключается не столько в практике, сколько в отказе от старой парадигмы религии индивидуалистического спасения, в создании нового метода церковного социального служения:

Я воспринимаю нашу идеологию, хотя она и может быть точно основана на Евангелии и на многих высказываниях святых отцов, все же как некий взрыв, как нечто противоположное тому, чем жило и живет широкое церковное общество<sup>27</sup>.

Новая взрывная сила заключалась в соборно-личном методе, основанном на соборности – качестве отношений органической общности, связывающей всех со всеми узами христианской любви, и личностности – обязательном различии «каждого лица во всей его полноте»<sup>28</sup>. Эти отношения должны проецироваться на всю практическую деятельность в общежитиях, столовых, детских кружках, больницах, санаториях и т. п. Соборно-личный метод, преодолевающий две крайности – индивидуализм и коллективизм, по отношению к старой традиции постпетровской эпохи имеет революционные черты. Преемственность в нем обеспечивается соответствием евангельскому благовестию, которое в основе своей имеет творческую взрывную природу – непрестанное обновление: «Се творю всё новое» (Откр. 21:5). Под революционностью мать Мария понимает «пребывание в бурном и поступательном движении жизни» [Мать Мария 2019, с. 369].

В качестве отступления следует сказать, что еще в 1920-е гг. будущая монахиня глубоко прорабатывает вопрос революционности – контрреволюционности и новаторства в общественно-политическом контексте. Революционность бывает разной, но ее характерная черта – устремленность в будущее. Контрреволюционность воплощается в двух видах – консерватизма и реставраторства. Русский ком-

<sup>25</sup> *Мать Мария. Елизавета Кузьмина-Караваева*. Православное Дело // Жатва Духа... С. 363.

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> *Мать Мария (Скобцова)*. Объединение «Православное Дело» II // Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. С. 258.

<sup>28</sup> Там же.

мунизм и большевизм мать Мария определяет как консервативный вариант контрреволюционности [Мать Мария 2019, с. 369–372].

С новаторством тоже не все просто. Люди близких взглядов возводят новаторство то в ранг добродетели, то порока. Мать Мария утверждает значимость сочетания новаторства и консерватизма в рамках одного сообщества, от чего зависит его жизне- и дееспособность. Важно сохранять основные принципы работы своего сообщества, но при стремлении учитывать новые условия и новые голоса жизни. Проблемой для общественных группировок 1920-х гг. она считала не консервативные, а новаторские позиции. Блюсти свои старые заветы умели все, в отличие от новаторства, которое не есть только ускорение темпа жизни, но учет действительно новых сил. Так, она утверждала, что новаторством в послереволюционные годы является прежде упущенный историзм, внимание к истории:

Русская история, – вот тот оселок, о который надо точить свои построения, вот тот барьер, который необходимо одолеть всем течениям, желающим жить [Мать Мария 2019, с. 380].

Другая причина неизбежности новаторства – жизнь православного общества русской церкви синодального периода, для которого широкая социальная работа была скорее исключением, чем нормой, так как заключалась либо в личной благотворительности, либо в деятельности внецерковных институтов. Поэтому не было выработано традиции православной социальной работы, которую требуется созидать как бы с чистого листа, не имея возможности опереться на имеющийся опыт. Новизна метода заключается в том, чтобы каждое дело становилось малой церковью, а все, кто в нем трудятся или обслуживаются «должны быть членами, органически связанными между собою и с целым»<sup>29</sup>.

Такое новаторство есть восстановление подлинного духа Православия, потому что это «единственный вывод» из его евангельской основы, «все остальное – уступка миру сему, его злободневности и относительности»<sup>30</sup>. Создание сообщества, действующего таким образом, – более трудная задача, чем следование известным методам католической или протестантской социальной работы, оно требует максимального напряжения от его участников, «небывало в мире стояния в свободе»<sup>31</sup>.

<sup>29</sup> Там же. С. 259.

<sup>30</sup> Там же. С. 263.

<sup>31</sup> *Мать Мария. Елизавета Кузьмина-Караваева. Настоящее и будущее Церкви // Жатва Духа... С. 241.*

Вопрос о том, как в постсоветской России будет формироваться церковная жизнь, мать Мария освятила в докладе «Настоящее и будущее Церкви» (1936)<sup>32</sup>. Прежде всего она предвидела аномальный сдвиг в отношении к «новому» у «будущих церковных кадров»<sup>33</sup>. Он будет определяться неспособностью постсоветского неопита к антиномическому мышлению, что вскоре приведет к новым гонениям на всех, «кто отстаивает свободу в Церкви»<sup>34</sup>. В их число посмертно попала сама мать Мария и ее наследие<sup>35</sup>.

Таким образом, мать Мария предлагала две как бы противоречивые вещи: бескомпромиссное методологическое новаторство (соборно-личный метод), но не как отказ от всего «старого», а, напротив, как борьбу за «подлинный дух Православия», за различие в «старом» и «новом» подлинной церковности. Деятельность объединения «Православное Дело» – это начало церковного возрождения, «лаборатория для России»<sup>36</sup>, которая призвана восстановить и передать на родину новое качество церковной жизни.

### *Литература*

---

Мать Мария 2019 – *Мать Мария (Скобцова, Кузьмина-Караваева Е.Ю.)*. Россия и эмиграция: Жития святых; Религиозно-философские очерки; Ранняя публицистика; Письма и записные книжки. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2019. 808 с.

Хоружий 2019 – *Хоружий С.С.* О нравственной катастрофе и миссии регистратора // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. Вып. 31. С. 54–74.

### *References*

---

Khoruzhii, S.S. (2019), “The Ethical Catastrophe of Russia and the Mission of Registration”, *The Quarterly Journal of St. Philaret’s Institute*, iss. 31, pp. 54–74.

<sup>32</sup> *Мать Мария. Елизавета Кузьмина-Караваева*. Настоящее и будущее Церкви // Жатва Духа... С. 233–241.

<sup>33</sup> Там же. С. 239.

<sup>34</sup> Там же. С. 241.

<sup>35</sup> См.: *Белодуров Г., прот.* О богословии монахини Марии (Скобцовой) (письмо Феофилу). Электронная публикация [Электронный ресурс]. URL: <http://spas.tvcom.ru/art2.html> (дата обращения 10 февраля 2020).

<sup>36</sup> *Мать Мария (Скобцова)*. Объединение «Православное Дело» II // Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. С. 262.

Mat' Mariya (Skobtsova, Kuz'mina-Karavaeva, E.Yu.), (2019), *Rossiya i emigratsiya, Zhitiya svyatykh, Religiozno-filosofskie ocherki, Rannyya publitsistika, Pis'ma i zapisnye knizhki* [Russia and emigration, Lives of the saints, Religious and philosophical essays, Early journalism, Letters and notebooks], Russkii put', YMCA-Press, Moscow, Russia, Paris, France.

### *Информация об авторе*

*Лидия В. Крошкина*, кандидат культурологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Свято-Филаретовский институт, Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, Токмаков пер., д. 11; lida.kroshkina@gmail.com

### *Information about the autor*

*Lidiya V. Kroshkina*, Cand. of Sci. (Cultural Studies), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

St. Philaret's Institute, Moscow, Russia; bld. 11, Tokmakov Lane, Moscow, Russia, 105066; lida.kroshkina@gmail.com

# Исследования современной культуры

УДК 316.6

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-48-62

## Групповая идентичность молокан Москвы и крышен Казани: опыт сопоставительного анализа (на материале полевых исследований)

Глеб И. Корнилов

*Российский государственный гуманитарный университет,  
Москва, Россия, glenvonkornen@gmail.com*

*Аннотация.* В статье сравниваются групповые идентичности общин молокан Москвы и крышен Казани. Представления Р. Дженкинса о достаточных условиях для формирования группы, описание и определение концепции идентичности Э. Эриксоном применяются вместе с концепцией «текстуальных сообществ» как типа групп Б. Стока для понимания специфики групповой самоидентификации общин молокан Москвы и крышен Казани. С помощью тематического анализа данных полевых исследований (интервью представителей молокан Москвы и крышен Казани) выясняется, что их идентичности могут быть охарактеризованы как идентичности текстуальных сообществ (на что указывает наличие определяющих жизнь текстов – и внимательное отношение к ним). Помимо этого, результаты исследования выявили другие характеристики, выделяемые представителями общин при самоописании. Среди них отмечаются сходства между общинами – восприятие определяющих их жизнь текстов, начало вовлечения в религию с детства и через семью, посещение церкви/собраний, выраженная религиозная терпимость. Есть и различия – у крышен преобладает выделение социальной роли семьянина в качестве определяющей для индивида, тогда как у молокан выделение преобладающего затруднительно. Есть специфические элементы – обращение к религии в более позднем возрасте у молокан, роль церкви и этничности у крышен.

*Ключевые слова:* молокане, крышены, идентичность, текстуальные сообщества

*Для цитирования:* Корнилов Г.И. Групповая идентичность молокан Москвы и крышен Казани: опыт сопоставительного анализа (на материале полевых исследований) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 7. С. 48–62. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-48-62

© Корнилов Г.И., 2022

Group identity of the Molokans  
of Moscow and the Kryashens of Kazan:  
experience of comparative analysis  
(based on field research)

Gleb I. Kornilov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,  
glenvonkornen@gmail.com*

*Abstract.* The article compares group identities of communities of the Molokans of Moscow and the Kryashens of Kazan. I use R. Jenkins' ideas on sufficient conditions for the formation of a group, E. Erikson's description and definition of identity together with the concept of "textual communities" by B. Stock as a type of groups to understand the specificity of group self-identification of Molokans of Moscow and Kryashens of Kazan communities. Drawing upon a thematic analysis of field research data (interviews with members of Molokans of Moscow and Kryashens of Kazan), I make it clear that their identities can be characterized as the identities of textual communities (which is indicated by the presence of life-defining texts and attentive attitudes to them). Besides that, results of the research showed other features, expressed by the communities' members during their self-description. There are similarities between the communities among them: perception of texts defining the communities' lifestyles; early religious involvement since childhood and via families; attending church/religious assemblies; pronounced religious tolerance. There are also differences: choosing the role of a family member as a key social role for an individual is typical among the Kryashens while finding a universal key social role among the Molokans is hardly possible. There are specific elements too: a deeper interest to religion appears in later periods of life among the Molokans; the role of church and ethnicness is more important among the Kryashens.

*Keywords:* Molokans, Kryashens, identity, textual communities

*For citation:* Kornilov, G.I. (2022), "Group identity of the Molokans of Moscow and the Kryashens of Kazan: experience of comparative analysis (based on field research)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 7, pp. 48–62, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-48-62

## *Введение*

Различные малые этнические и конфессиональные группы на постсоветском пространстве перемещаются со своих традиционных мест жительства в большие города, и их представители часто

стремятся сохранить групповую идентичность в новых обстоятельствах [Пронина 2015].

Цель работы состоит в том, чтобы понять, как такие группы – в нашем рассмотрении это общины молокан Москвы и крышен Казани – сохраняют себя как целое в больших городах. Фокус исследования направлен на то, чтобы выявить область жизненной практики, служащую основанием для поддержания целостности группы. Наша гипотеза состоит в том, что такой областью является область книжной традиции.

Выбор для исследования именно этих общин мотивируется общими для них сложным происхождением (большинство их представителей являются переселенцами из других мест или их потомками), временем оформления (90-е гг. XX в.), государственной регистрацией.

Концептуальная рамка исследования построена на подходах психолога Э. Эриксона, социолога Р. Дженкинса и историка Б. Стока.

Из идей Дженкинса мы используем представление о достаточных условиях для формирования идентичности группы (знание о существовании группы, чувство причастности к ней [Jenkins 2008, pp. 11–12]). Из идей Эриксона – описание и определение концепции идентичности (принятие индивидом социального бытия как своего в процессе формирования отдельной личности и в связи с принадлежностью к группам [Эриксон 1996, с. 31–32, 50–51]). Подходы этих исследователей в сочетании дают представление об идентичности в случае конкретных индивидов и групп. Оба автора характеризуют идентичность как динамический процесс идентификации человека [Эриксон 1996, с. 31–32; Jenkins 2008, p. 5] – и мы вслед за ними придерживаемся этого подхода к термину.

Для понимания оснований для выстраивания групповой идентичности молокан и крышен мы обращаемся к концепции «текстуальных сообществ» Б. Стока. Сток представляет ее во многом описательно: это группа людей, придерживающихся практик, которые они полагают записанными в некоем тексте. Знание на основе текста служит организации жизни в группе [Stock 1983, pp. 88–90]. «Текстуальное сообщество» формирует на основе текста устную традицию, принимаемую большинством. В качестве важного признака «текстуального сообщества» Сток указывает отсутствие необходимости регулярно перечитывать текст для «напоминания», так как его положения уже усвоены членами сообщества [Stock 1983, p. 91].

Существование «текстуального сообщества» возможно при следующих условиях: 1) наличие текста для организации жизни

сообщества; 2) наличие людей, передающих текстуальное знание; 3) согласие членов сообщества взаимодействовать с опорой на текст.

Источниковую базу нашего исследования составляют данные интервью с молоканами Москвы и крышенами Казани.

С молоканами было записано 12 интервью в 2017–2019 гг. В работе использованы данные 11 человек – 7 мужчин и 4 женщины в возрасте от 20 до 73 лет на момент интервью, на десять из них приходится по одному интервью, в одном случае два интервью.

С крышенами было записано 12 интервью в 2021 г. В работе использованы данные 12 человек – 7 мужчин, 5 женщин, от 23 до 83 лет на момент интервью.

Вопросы, задававшиеся молоканам, выстроены так, чтобы можно было прояснить следующее: 1) возраст, происхождение; 2) приход информанта к религии, как он сохранял ее; 3) функцию и значимость Библии в жизни; 4) посещает ли он молитвенные собрания; 5) что он думает о других религиях, направлениях христианства; 6) какую социальную роль он выделяет для себя как наиболее значимую. Иногда задавался вопрос об этническом компоненте в самовосприятии («как бы вы себя описали или назвали по национальности?»). Эти вопросы имеют значение для понимания восприятия индивидом жизни в общине – так, биографические данные помогают понять, в какой степени и как человек знаком с жизнью общины и вовлечен в ее практики. Вопрос о том, как человек пришел к религии (и/или ее сохранил), помогает оценить роль религии в его жизни. Вопрос о Библии проверяет применимость к молоканам концепции текстуального сообщества – при этом Библия рассматривается как цельный текст, не отличающийся от такового в православии. Вопрос о посещении собраний, кроме прочего, проясняет связи информанта в общине. Вопрос о других религиях и конфессиях показывает, насколько информант противопоставляет свою группу другим – и как. Вопрос о социальных ролях позволяет оценить жизненные приоритеты информантов, их связь с группой.

Также уделено внимание темам, которые возникали при общении с отдельными информантами и которые не были запланированы при первоначальном составлении вопросника.

Крышенам задавались те же вопросы, что и молоканам. Как и в случае молокан, уделялось внимание незапланированным темам, возникавшим при общении с информантами. Кроме того, крышенам дополнительно задавался вопрос об этническом самовосприятии, поскольку эта тема имеет политическое измерение.

### *Исторические предпосылки развития идентичностей молокан и кряшен*

События, ведущие к формированию молокан – одного из движений в рамках духовного христианства, призывавшего к чтению Библии и упрощению религиозной обрядности – прослеживаются с XVIII в., когда в России началась активная религиозно-просветительская деятельность. Власти стремились дать населению самые общие понятия о религии. Были подготовлены и распространены по приходам книги – в частности сочинение Феофана Прокоповича «Первое учение отроком, в нем же буквы и слоги, таже: краткое толкование законного десятисловия, молитвы господней и девяти блаженств». Эта политика не была в полной мере успешной, а сама книга не могла выполнить своей функции в современной ей системе образования, подразумевавшей не столько «понимание» текста, сколько заучивание и воспроизведение наизусть [Львов 2011, с. 75–79].

Люди иногда воспринимали такие тексты как попытку властей обратить их внимание на несоответствие воображаемой ими «воли монарха» и тех законов и практик, по которым они живут, а потому переосмыслили как религиозные представления, так и взаимоотношения с властью. В итоге в 60-е гг. XVIII в. (в том числе и по причине политики Екатерины II в направлении большей религиозной терпимости) случаи антицерковных выступлений из ранее скорее малочисленных (кроме старообрядцев) стали более заметными [Смилянская 2016, с. 278].

Распространение религиозной литературы в XVIII в. оказалось сигналом для отдаления некоторых групп от церкви и способствовало их трансформации в сообщество с Библией в качестве определяющей жизненную практику книги. Складывались трактовки текста Библии, нехарактерные для нормативного православия – критика иконопочитания, попытки устройства общин и трактовки Библии вне пространства и правил государственной церкви и т. д.

Для выяснения того, явились ли чтение Библии и религиозно мотивированная деятельность на ее основе конституирующим идентичность молокан фактором, мы обратились к данным полных исследований, которые мы рассмотрим ниже.

Теперь обратимся к случаю кряшен, которых часто описывают как крестившихся в православие этнических татар. Усилия по обращению жителей бывшего Казанского ханства в православие начались почти сразу после завоевания Казани – были крещены пленные и уцелевшие защитники города; сносились городские ме-

чети и строились церкви [Загидуллин 2017, с. 75]. Также крещение рассматривалось как средство защиты рискованными столкнуться с государственными санкциями [Загидуллин 2017, с. 77–79]. В течение XVI–XVII вв. политика России была направлена по преимуществу на крещение элиты бывшего Казанского ханства – для закрепления власти в регионе [Загидуллин 2017, с. 80–81].

На протяжении XVIII в. предпринимались последовательные попытки «просвещения» крещеных татар и их включения в жизнь православной церкви. В итоге Священный Синод указом от 23 августа 1731 г. учредил организацию, которая отвечала бы за миссионерскую деятельность в Поволжье; в 1734 г. она стала называться Новокрещенской конторой [Ислаев 2017, с. 166–168]. Тем не менее на протяжении XVIII и части XIX в. попытки развития системы образования для этих целей были малоуспешны [Исхаков 2017b, с. 184–185].

Качественно новый этап в формировании общности крышен наступил около середины XIX в. в связи с именем Н.И. Ильминского и Переводческим комитетом Казанской духовной академии. Восстановленная в 1842 г., Казанская духовная академия мыслилась как центр православной миссии – это определило направление работы обучавшегося там Ильминского.

В то время среди новокрещенных (принявших православие под влиянием Новокрещенской конторы) участились попытки перехода в ислам. Среди причин этого важно отметить широкое распространение текстов мусульманской традиции (например, «Сказание о Юсуфе» Кул Гали) на понятном крышенам языке; организацию неформальных групп по обучению детей мусульманской текстуальной культуре (в чем была велика роль женщин); рост мобильности населения (что вело к общению крышен и татар-мусульман) [Kefeli 2001]. Как следствие, духовные власти осознали необходимость перевода, в первую очередь богослужебных книг, на понятный для паствы язык (что укрепило бы крышен в православной культуре и отдалило бы их от ислама). Для этих целей был организован Переводческий комитет Казанской духовной академии, куда входил Н.И. Ильминский [Исхаков 2017с, с. 284]. В 1862 г. он совместно с В.Т. Тимофеевым составил проект кириллического алфавита для татарского/крышенского языка, которым затем записывалась, в первую очередь, религиозная литература [Исхаков 2017с, с. 286–287]. Появилась новая сеть учебных заведений: создаваемая Ильминским и др. система образования была утверждена в 1870 г. законодательно, применяли ее не только для крышен. Переводческая деятельность активизировалась со второй половины XIX в., быстро формировались священнические кадры

со знанием языка, кряшенская интеллигенция [Исхаков 2017с, с. 291–292]. Как следствие, во второй половине XIX в. кряшены «возвращаются» в ислам гораздо реже, среди них утверждаются соответствующее самоназвание и последовательное отделение от татар-мусульман [Исхаков 2017а, с. 206–207].

Для выяснения того, оказались ли ознакомление кряшен с религиозными текстами на их языке и религиозно мотивированная деятельность на их основе определяющим групповую идентичность фактором, мы обратились к данным полевых исследований. Их мы рассмотрим ниже.

### *Структура полевого исследования и анализ данных*

В работе мы использовали метод полевого исследования в форме «невключенного исследования» и «качественную» форму опроса (получение описаний жизненного мира информанта для их интерпретации) [Ильин 2006, с. 150]. Описание данных полевого исследования представлено в виде списков общих для информантов мнений, выявленных методом тематического анализа [Бусыгина 2018, с. 301–307].

Каждое распространенное мнение иллюстрировано фрагментами интервью разных информантов<sup>1</sup> – целиком данные интервью и осуществление процедуры тематического анализа в статье не представлены.

По итогам тематического анализа интервью молокан Москвы и их группировки удалось обнаружить определенные проблемные поля.

Так, вовлечение всех информантов в религию начиналось с детства, в семье, но с разной степенью выраженности. Информант М1 сообщает, что в его семье читали Библию вслух, особенно после собраний. Отдельно для себя он отмечает роль отца:

... отец читал... Библию – все равно что-то оставалось в уме-то, в памяти....

Большинство молокан, хотя знакомы с религией с детства, стали активно ее практиковать несколько позже. Например, харак-

---

<sup>1</sup> Вместо имен информантов приводятся коды, позволяющие их различать – код информантов-молокан начинается с буквы М, информантов-кряшен – с буквы К; после букв идут порядковые номера.

терно сообщение информантки М3, на время оставившей религию по личным соображениям. Она активно посещала собрания с бабушкой, но в юности на какое-то время перестала. Однако у нее произошло некое внутреннее преобразование:

...ну а потом, со временем, все больше и больше понимаешь и важность веры... понимаешь, зачем ты ходишь в собрание...

Примеры влияния извне (государства и общества) на временное выпадение из молоканства более характерны для пожилых, здесь примечательно сообщение информанта М1:

...в школе нам втолковывали, что Бога нет и так далее... и мы больше верили учителям, чем... родителям.

Абсолютное большинство молокан описывает Библию как книгу, которую нужно читать и интерпретировать в связи со своей жизненной практикой; например, это ярко выражено в рассказе информанта М7. Он описывает Библию как учебник жизни, который дает ответы на возникающие сложные вопросы:

Библия очень важное место в жизни занимает, потому что я считаю, что это – учебник жизни... это очень большая философская книга... учебник жизни, где ты можешь найти ответы на трудные житейские какие-то вопросы.

М7 считает, что люди мало меняются – и мысли, изложенные в Библии, сохраняют актуальность по сей день.

Опрошенные молокане в той или иной мере посещают собрания; например, информант М4 сообщает:

...да, стараюсь вообще не пропускать... только если там какая-то уважительная причина;

тогда как информант М8 отмечает, что

...нельзя сказать, что прямо вот каждую неделю, потому что бывает то, что там уедешь куда-то, но в основном часто.

Молокане толерантны к другим конфессиям и религиям, но оттенки их восприятия на индивидуальном уровне различны. Например, информантка М10 выражает уважение и к мусульманам, и к православным:

...но если другие люди веруют по-другому, это же не значит, что они не верующие...

С уважением отношусь и к другим направлениям. Ведь мы выросли среди мусульман.

И много от них переняли.

В то же время информант М11, декларируя свою терпимость, все же над православием иронизирует:

...у нас свобода в вере... У православных – как скажет батюшка. Отец...

Ну, отец – значит ведь у каждого два – Бог и твой родной отец, который твой отец... ну, больше нет! А у православных – мы их не осуждаем – но при каждой церкви свой отец.

Ну сколько же может быть отцов? Отец – Бог один...

Среди молокан нет общего мнения о самой важной социальной роли – но делаются акценты на семье или религии. Пример первого – сообщение информантки М10:

...я вдова. Но на главном месте был муж. С уважением и заботой относилась к своим родителям;

пример второго – сообщение информанта М5:

Я считаю – христианин... Мы все стремимся на небеса... Самое главное – чтобы жить по Библии. Чтобы нам встретиться – Господь нам вечность обещает.

Пример упоминания и семьи, и религии – сообщение информантки М6:

...мы же все люди, мы непосредственно выполняем какую-то социальную роль, да – я вот, например, жена, но это меня не освобождает от того, что я еще и христианка.

То есть это все взаимосвязано – и все идет рядом.

Теперь обратимся к данным интервью кряшен Казани. По итогам их тематического анализа и группировки также удалось обнаружить определенные проблемные поля.

Так, приобщение к религии начинается в детстве с помощью семьи. Яркий пример – рассказ информантки К6:

...мы с детства, да, дедушки, бабушки нас приучили. Потому что бабушки-дедушки у нас очень сильно верующие были, и тетки сильно верующие были, и папа очень сильно... верующий был, потом дедушка в храме еще работал... Мы с малолетства... в вере сильные.

Текстуальная традиция религии на своем (кряшенском) языке немаловажна, но ее рамки нечетки. Например, информантка К6 называет следующие тексты:

Евангелие... очень важны. Молитвослов вот,

а информантка К7 отделяет Евангелие от остальной Библии:

Библия – не знаю, Евангелие знаю. Мы читаем Евангелие, очень важно, очень важно...

Вопрос о значимости языка сам по себе не задавался, но поскольку информанты посещают службы именно на кряшенском языке, то можно сделать вывод о ключевой роли языка и значении формы текста, создающего групповую идентичность.

Кряшены воспринимают церковь как значимый в их жизни социальный институт. Здесь примечателен рассказ информантки К4. Она особенно отмечает роль таинств:

...причастие очень важно для нас – очень важно, потому что надо... готовишься, уже по-другому себя ведешь, во-первых, уже вот эти дни уже задумываешься над своими грехами – и вот, почему я всегда говорю, что я счастлива – потому что у нас есть, куда идти, и все это выложить, свои грехи, исповедаться...

Абсолютное большинство опрошенных кряшен бывает в церкви. Например, информантка К5 описывает периодичность своих посещений так: *по возможности. По праздникам*, информант К9 – иначе:

...да, субботние и воскресные службы и праздничные богослужения.

Исключение представляет информант К3:

ну, чисто из туристических интересов... на архитектуру посмотреть... Ну, материальное, никакого духовного... чего-то там.

Очевидно, этот информант был в церкви не из религиозных соображений и без специальной периодичности, а потому его нельзя причислить к посещающим церковь.

Кряшены обычно выражают толерантность к представителям других религиозных традиций вне православия – например, информант К10 говорит так:

Бог один, а религий много, поэтому и отношусь к другим религиям нейтрально... среди каждой религии и нации есть как плохие, так и хорошие люди;

информантка К5 делает акцент на отношение к мусульманам:

...ну, мусульман мы веру не знаем, а с ними мы дружно живем.

Социальная роль члена семьи чаще других упоминается кряшенами как определяющая; пример – высказывание информанта К2:

...наверное, самое главное в моей жизни это все-таки то, что я – отец... своих детей, плюс муж своей жены, поэтому для меня, все-таки, на первом месте будет именно семейный фактор.

Среди кряшен выражена как негативная самоидентификация – через не-принадлежность к татарам, так и позитивная – через утверждение себя кряшенами. Яркий пример первого – высказывание информантки К6:

...перепись был Татарстан? Они [власти Республики Татарстан] хотели писать татарами.

Я говорю – татары нет, пишете русская!.. И дети, и я, и муж... – мы все русскими писались...

Ну, православные же, так? Вот... Как это писали, потому что мы свою веру не хотели терять...

Пример позитивной кряшенской самоидентификации – у информанта К10:

...по нации я определяю себя как крещеный татарин, кряшен. Немного о кряшенах.

Это люди широкой души. Простые, добрые и отзывчивые... Хочется сказать, что это люди русской души, сохранившие традиции татарского народа, ни татары, ни русские, а представители своей нации.

### *Обсуждение полученных результатов*

Теория текстуальных сообществ Б. Стока подразумевает выстраивание сообщества (и соответственно групповую идентичность) вокруг некоего текста.

Община молокан Москвы хорошо подходит под это описание в силу как особенностей их исторического развития, так и сохраняющихся практик и мнений, выявленных в интервью. Библия как «конституирующий текст» и осознание себя на основании восприятия текста – это позволяет говорить о них как о текстуальном сообществе.

Община крышен Казани также характеризуется как текстуальное сообщество: это вытекает из особенностей исторического развития крышен, также выявляется в ходе интервьюирования. Книги Библии и тексты Священного Предания в качестве определяющих жизнь текстов, акцент на Евангелии как части Библии, также осознание себя на основании восприятия этих текстов – подтверждение нашей позиции.

Итак, мы уверенно говорим об обоих сообществах как «текстуальных», текстуальность предстает значимым опорным элементом в выстраивании их групповых идентичностей. Однако в использовании текстов есть различия: для молокан значимо то, как они интерпретируют и используют священный текст в своей жизни (содержательный фактор текста); для крышен имеет значение то, что священный текст существует на их языке и доступен для них (фактор формы текста).

Таким образом, мы видим, что некоторые малые этнические и конфессиональные группы в больших городах – а именно общины крышен Казани и молокан Москвы – поддерживают целостность своих групп путем выстраивания групповых идентичностей на основании приверженности книжному тексту, как текстуальных сообществ.

Также, помимо фактора текста, в процессе исследований удалось обнаружить другие факторы, которые влияют на жизнь изучаемых общин.

Среди этих факторов есть сходные: вовлечение в религию с детства через семью (традиция), посещение церкви/собраний, выработанная религиозная терпимость.

Есть среди них важные различия, особенно в том смысле, что по одному и тому же вопросу в одной общине мнение складывается одним образом, а в другом – иначе. Так, при изучении представлений о социальных ролях выяснилось, что у крышен наиболее распространено (в восьми интервью из 12) выделение роли семья-

нина как определяющей, у молокан же выделение преобладающего затруднительно (распространены суждения о религии и семье как связанных сторонах жизни).

Были также выявлены специфические для каждой общины факторы. Многие из молокан, имея знакомство с религией с детства, стали активно участвовать в религиозной деятельности позже – по разным причинам, среди которых личный кризис религиозности, давление государства/общества, и др. Для кряшен важными оказались роль церкви и момент этнического: равно распространены оказываются как утверждение себя как кряшен, так и противопоставление татарам-мусульманам.

### *Литература*

---

- Бусыгина 2018 – *Бусыгина Н.П.* Качественные и количественные методы исследований в психологии. М.: Юрайт, 2018. 424 с.
- Загидуллин 2017 – *Загидуллин И.К.* Религиозная политика Московского государства в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – XVII в.) // История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): Колл. моногр. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 74–143.
- Ильин 2006 – *Ильин В.И.* Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006. 256 с.
- Ислаев 2017 – *Ислаев Ф.Г.* Обращение в православие и христианизация татар в XVIII в. // История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): Колл. моногр. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 162–182.
- Исхаков 2017а – *Исхаков Р.Р.* Консолидационные процессы и формирование кряшенской этноконфессиональной идентичности (вторая половина XVI – начало XX в.) // История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): Колл. моногр. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 206–207.
- Исхаков 2017б – *Исхаков Р.Р.* Развитие конфессионального образования крещеных татар // История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): Колл. моногр. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 189–210.
- Исхаков 2017с – *Исхаков Р.Р.* Система Н.И. Ильминского и формирование кряшенской интеллигенции // История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): Колл. моногр. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 283–294.
- Львов 2011 – *Львов А.Л.* Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуральное сообщество. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 328 с.
- Пронина 2015 – *Пронина Т.С.* Религиозная идентичность как психосоциальный феномен // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 2. С. 154–166.
- Смилянская 2016 – *Смилянская Е.* Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М.: Ломоносовь, 2016. 384 с.

- Эриксон 1996 – Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис [пер. с англ.]. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- Jenkins 2008 – Jenkins R. Social identity. Routledge, 2008. 264 p.
- Kefeli 2001 – Kefeli A. The Role of Tatar and Kriashen Women in the Transmission of Islamic Knowledge: 1800–1870 // Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. by R. Geraci, M. Khodarkovsky. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. P. 250–273.
- Stock 1983 – Stock B. The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the 11th and 12th Centuries. Princeton: Princeton University Press, 1983. 604 p.

## References

---

- Busygina, N.P. (2018), *Kachestvennye I kolichestvennye metody issledovaniya v psikhologii* [Qualitative and Quantitative methods of Research in Psychology], Yurait, Moscow, Russia.
- Erikson, E.H. (1996), *Identichnost': yunost' I krizis* [Identity: Youth and Crisis], transl. from English, Progress, Moscow, Russia.
- Il'in, V.I. (2006), *Dramaturgiya kachestvennogo polevogo issledovaniya* [The Dramaturgy of a Qualitative Field Research], Intersotsis, Saint Petersburg, Russia.
- Iskhakov, R.R. (2017a), Consolidational Processes and Formation of the Kryashen Ethnoreligious Identity”, *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.)* [History and Culture of Kryashen Tatars (16–20<sup>th</sup> centuries): A Collective Monograph], Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, Kazan, Russia, pp. 206–207.
- Iskhakov, R.R. (2017b), “The Development of Confessional Education of Baptized Tatars”, *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.)* [History and Culture of Kryashen Tatars (16–20<sup>th</sup> centuries): A Collective Monograph], Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, Kazan, Russia, pp. 189–210.
- Iskhakov, R.R. (2017c), “The System of N.I. Ilminsky and Formation of the Kryashen Intelligentsia”, *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.)* [History and Culture of Kryashen Tatars (16–18<sup>th</sup> centuries): A Collective Monograph], Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, Kazan, Russia, pp. 283–294.
- Islaev, F.G. (2017), *Obrashchenie v pravoslavie i khristianizatsiya tatar v XVIII v.* [Conversion to the Orthodoxy and Christianization of Tatars in the 18th century], *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.)*, *kollektivnaya monografiya* [History and Culture of Kryashen Tatars (16–20<sup>th</sup> centuries): A Collective Monograph], Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, Kazan, Russia.
- Jenkins, R. (2008), *Social identity*, Routledge.
- Kefeli, A. (2001), “The Role of Tatar and Kriashen Women in the Transmission of Islamic Knowledge, 1800–1870”, Geraci, R. and Khodarkovsky, M. (eds.), *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*, Cornell University Press, Ithaca, NY, pp. 250–273.

- L'vov, A.L. (2011), *Sokha i Pyatiknizhie: russkie iudeistvuyushchie kak tekstual'noe soobshchestvo* [The Plow and the Pentateuch: Russian Judaizers as a Textual Community], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia.
- Pronina, T.S. (2015), "Religious identity as a psychosocial phenomenon", *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 16, iss. 2, pp. 154–166.
- Smilyanskaya, E. (2016), *Volshebnyki, bogokhul'niki, eretiki v setyakh rossiiskogo syska XVIII veka* [Wizards, Blasphemers, Heretics in the Nets of the Russian Investigation Service of the 18th century], Lomonosov, Moscow, Russia.
- Stock, B. (1983), *The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the 11<sup>th</sup> and 12<sup>th</sup> Centuries*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.
- Zagidullin, I.K. (2017), "Religious Politics of the Muscovite State in the Middle Volga Region (the 2<sup>nd</sup> half of the 16–18<sup>th</sup> centuries)", *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–KHKH vv.)* [History and Culture of Kryashen Tatars (16–18th centuries): A Collective Monograph], Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, Kazan, Russia, pp. 74–143.

### *Информация об авторе*

*Глеб И. Корнилов*, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; glenvonkornen@gmail.com

### *Information about the author*

*Gleb I. Kornilov*, postgraduate student, Russian State University of the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; glenvonkornen@gmail.com

«И звезды небесные пали на землю»:  
эсхатологические мотивы  
в российской фантастической литературе 2010-х гг.  
(на примере «Четверо» Александра Пелевина)

Елизавета О. Белоусова

*Российский государственный гуманитарный университет,  
Москва, Россия, Belousova.lisa@yandex.ru*

*Аннотация.* На российской литературоцентричной почве фантастические повествования в силу их иносказательности становятся транслятором социокультурных трансформаций. Фантастическая литература 2010-х гг. конструирует фикциональное пространство, апеллирующее к эмоциям реципиента: его надеждам, страхам, амбициям, фрустрации. Реальность видится как травматическая, и, внедряя аспект эсхатологического, авторы наделяют свои тексты симультанно как эскапистской функцией, так и экспрессивной. Иллюстративным материалом статьи служит роман «Четверо» Александра Пелевина, особенно репрезентативный в контексте индивидуальных креативных практик: маркетинга текста в социальных сетях, прямом контакте автора с аудиторией. Конец Света, вплетенный в рамки жанра как метафорически, так и сюжетно (апокалиптика/постапокалиптика), в «Четверо» проникает в каждый слой повествования. Апокалипсис из религиозной категории превращается в бытовой мотив, обеспечивая прочную ассоциацию с персонажем, проходящим через фатальность и обреченность, с каким сталкивается человек 2010-х гг. Иными словами, реферируя к Концу Света, фантастическая литература отражает турбулентную повседневность.

*Ключевые слова:* российская литература 2010-х гг., фантастика, Апокалипсис, эсхатологические мотивы

*Для цитирования:* Белоусова Е.О. «И звезды небесные пали на землю»: эсхатологические мотивы в российской фантастической литературе 2010-х гг. (на примере «Четверо» Александра Пелевина) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 7. С. 63–75. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-63-75

And the stars of heaven fell to the earth:  
 Eschatological motives  
 in Russian science fiction literature of the 2010s  
 (with the example of “The Four” by Alexander Pelevin)

Elizaveta O. Belousova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,  
 Belousova.lisa@yandex.ru*

*Abstract.* Due to its allegorical nature, science fiction narrative in Russian literature-centric culture becomes a transmitter of sociocultural metamorphosis. Science fiction literature of the 2010s constructs fictional spaces appealing to the recipient’s emotional background. The primary purpose of this is to initiate a call to action by referring to the reader’s fundamental experiences and anxieties, hopes, ambitions, and frustrations. Reality is often depicted as traumatic, and by integrating eschatological motives, authors implement both escapist and expressive functions into their texts. The illustrative material for the article below is the novel “The Four” by Alexander Pelevin – it is especially representative within the context of individual creative practices, as the author makes a point of marketing his works via social media, and direct communication with the audience. The category of the end of the world is interwoven into the genre both metaphorically and as a structural aspect of the plot (apocalyptic/postapocalyptic fiction), and in “The Four” it is extended throughout the narrative layers, both vertically and horizontally. From a purely religious impression, Apocalypse shifts into the everyday motive, and it ensures strong connection between the main character and the recipient by the means of shared experience. The recipient of the 2010s, just as the character whose path they observe, undergoes the chaos, colossal change, and suffering that comes with it. In other words, by referring to the end of days, science fiction literature of the 2010s reflects the prosaic yet tragic everyday turbulence.

*Keywords.* Russian literature of the 2010s, science fiction, Apocalypse, eschatological motives

*For citation:* Belousova, E.O. (2022), “And the stars of heaven fell to the Earth: Eschatological motives in Russian science fiction literature of the 2010s (with the example of ‘The Four’ by Alexander Pelevin)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 63–75, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-63-75

Очерчивая эсхатологические мотивы в российской фантастике 2010-х гг., необходимо учитывать, насколько она неотделима от социально-политического поля. На фоне динамических процессов

литература актуализируется как выразитель альтернативного мнения; коллективные настроения, взятые во фрейм художественных приемов, насыщают ее эмоционально. Устанавливается тесная связь между произведением и реципиентом: фантастическая литература из развлекательного контента превращается в авторское высказывание. Во многих аспектах наблюдается ренессанс литературоцентризма – или, по меньшей мере, его новый виток.

Россия 2010-х пребывает в сложной полемической коммуникации как с глобально-внешними пространствами, так и с внутренними течениями. В данный период можно говорить о курсе на консервирование «традиционности» и противопоставление «либеральности Запада». Хотя отныне риск культурной изоляции нельзя отрицать, существовал момент, когда казалось, будто бурный поток неостановим: контакты с Другими, угрозы и достижения, иницирующие перманентные метаморфозы, некоторые из которых воспринимались болезненно, а иные приветствовались.

Ситуация поздних 2010-х может быть описана эпитетом – «стремительная». Стремительны трансформации, стремительны ответы на них. Вторжение технологий в повседневность сдвигает представления о границах человеческих возможностей; глобализация ставит вопрос формирования и презервации идентичности; даже такие словно бы непоколебимые категории, как гендер и институт брака, раскалываются, расширяя свою вариативность. Ускоряется и ритм отдельного индивида: с повышением мобильности, информационным шумом, мгновенной связью. Примеры необъятны, и именно в этом хаосе пробуждается фантастика как жанр-реконструкция.

В рамках данного рассуждения под фантастикой подразумевается *предумышленная фантастика* по типологии Роже Кайуа [Кайуа 2006, с. 13–19]. Ее стремление – изумить реципиента, ради чего создаются целые фикциональные миры. Они обязаны соответствовать двум факторам: 1) поражать воображение; 2) оставаться интуитивно понятными, чтобы причудливые законы не отталкивали своей чрезмерной отчужденностью от эмпирического опыта реципиента. По факту, именно читатель/зритель/участник определяет, что есть фантастика: при размытости жанровых границ его отклик становится едва ли не единственным ориентиром. Его впечатление реферируется как «специфическое переживание» – порой иррациональное, маркирующее фантастическое как «нарушение общепринятого порядка, вторжения в рамки повседневного бытия чего-то недопустимого» [Кайуа 2006, с. 110].

Следует уточнить: в данной статье речь идет о более узком направлении фантастики – историях о будущем. Они же зачастую

и синонимизируются с ней. Кроме того, ими наиболее директно аккумулируются общественные настроения: они восходят к единому источнику – концепту социальной гармонии. «Гармония», впрочем, спорный термин: вернее было бы использовать обозначение идеального/анти-идеального. Идеальное – образ безукоризненного строя, благого для каждого; анти-идеальное же – его антипод. Баланс, равновесие – ось, на которую опирается сама структура фантастического мироздания.

Истории о будущем 2010-х гг. терапевтичны: в них сублимируются как групповые, так и личностные страхи, сомнения и надежды [Березовская, Демченков 2016]. Современность они постигают методами форматирования: сюжетное полотно, разворачивающееся в фикциональном пространстве, отражает нашу собственную культуру. Авторы, выстраивающие общество, отдаленное от текущего, оперирующее по иным паттернам, не способны разрушить рамки собственного восприятия. Человеческое мышление обращается к человеческим же категориям, и потому любая фантастика апеллирует к пережитому, резонирующему – как на личностном уровне, так и на коллективном.

Российская культура также нуждается в фантастическом нарративе как в компенсации накапливаемого стресса. Происходящее в настоящем трактуется как глобальная катастрофичность, и на литературицентричной почве роль глашатаев социокультурных динамик перенимают писатели. Повествования о грядущих веках в российской фантастике 2010-х достаточно распространены, и один из репрезентативных романов – «Четверо» Александра Пелевина<sup>1</sup>.

В его текстах примечательно то, что его аудитория набирается посредством Интернет-каналов и социальных сетей. В свою очередь, они выступают и как творческие страницы, и как блоги. Это сопряжено с дигитализацией культуры, перерождением текста в цифровой формат, и наделяет роман любопытным положением: анализу может быть подвергнут не только исключительно сам текст, но и связи с иными формами, в которых тот существует и интерпретируется [Андрианова 2014].

Также важно оговориться и о «режиме существования» Апокалипсиса в фантастических сюжетах. Конец Света отнюдь не обязательно эквивалентен массовому уничтожению или социополитическому деструктивному импульсу; он может описываться и переживаться как настроение или состояние. Порой Апокалипсис «событийный» резонирует с Апокалипсисом «ментальным» с его

---

<sup>1</sup> Пелевин А.С. Четверо: Роман. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2018. 368 с.

тревожностью, нервозностью, экзистенциальным ужасом: человек, вынужденный смотреть тотальным разрушениям в лицо, будь это всемирный потоп или крушение идеалов, неизбежно погружается в апокалиптическое переживание. И его внутренняя картина, по лотно его страданий, также составляет композицию Конец Света.

«Четверо» Александра Пелевина эксплицитно сочетает его и как социокультурный фактор, и как аллегория. Апокалипсис настигает не нас, а далекую планету в системе Проксима Центавра. Конец по Пелевину разыгрывается как нечто нерегулируемое, в высшей мере судьбоносное. На империю со столицей в Городе Первого Солнца нападают белые черви, совершившие резкий эволюционный скачок; граждане Империи изображаются жертвами драматической случайности. Находясь на пике развития, услаждаясь искусствами, ремеслами и природой, они в одночасье уничтожены, и, когда человеческий исследовательский корабль «Рассвет» прибывает на планету двадцать тысяч лет спустя, он обнаруживает единственный организм – океан, впитавший в себя боль падших земель.

Тем не менее «боль» заключается в сугубо человеческом видении: без человеческой оптики она осталась бы безликой субстанцией. Вторжение червей и угасание планеты печально исключительно для *людей*, соприкоснувшихся с эсхатологической историей – для капитана, последнего выжившего с «Рассвета», и молодого человека, Поплавского, переписывающего мыслеобразы инопланетной девушки в Живой Журнал. Но всегда остается вероятность, что для участников событий все иначе; чудовищное море – ритуально-мистическое слияние страданий некогда живых существ высушенной планеты, не жалеет о смерти, ведь смерти нет. Она лишь портал к перерождению.

Концепция упадка и уничтожения общества, пусть и чужого в космических масштабах, для романа сюжетообразующая. Конец Света проникает в индивидуальное чувство персонажей, их соприкосновение с реальностью, и господствует библейской катастрофой – кризисом, низводящим культуру в экзистенциальное забвение. Роман интересен за счет его ментальности: социальность в нем не вопиюще-неприкрыта. Александр Пелевин – скорее невольно, чем намеренно, – впитывает социокультурную атмосферу. Его художественный ландшафт – замкнутый космический корабль, дрейфующий сквозь Вселенную, и психиатрическая клиника с ее жесткой телесно-духовной дисциплиной. Голодный, хтонический океан Проксима Центавра необъятен, и это пробуждает агорафобию, панику перед открытыми пространствами с их непредсказуемостью. Его Конец Света – разбивающаяся птичья клетка. Это – то, что превращает фантастику в моделирующий жанр: она не просто

заигрывает с идеями, но концептуализирует их как «специфическое переживание». В лавкрафтовской классике оно апеллирует к ужасу и отвращению; здесь же нацелено на колебание, внушение читателю культурной тревожности.

Мир 2010-х *уже* апокалиптичен. Безудержный, стихийный, во многом инерционный поток вызывает не просто неуверенность, но истерику: механизмы преодоления – и ортодоксальные религии, и фанатичное отстаивание научного абсолюта. Так или иначе, над ним простирается тень Финала.

Апокалипсис определяет мировые культуры. Древнейший источник об уничтожении человечества письменно закреплён в шумеро-аккадской культуре 3 тыс. до н. э. [Белицкий 2000, с. 226], и, нарративно сходясь с Великим Потопом, насланная водная стихия сметает все на своем пути, кроме правителя Зиусудра, – создан задолго до Библии. Та же фабула обыгрывается и в «Эпосе о Гильгамеше» (2 тыс. до н. э.). Не менее интригующие и индийские представления (2000–1500 гг. до н. э.) о четырех поколениях мира, примерно соответствующие поколенческой деградации Гесиода – от беззаботности, доброты и совершенства к несправедливости, распутству, изнурительному труду и голоду. Буддистская цикличность, скандинавский Рагнарёк, монотеистический Страшный Суд – цепь эсхатологических переживаний, воплощающих глубинную человеческую незащитность, ожидание возмездия.

Армагеддон сопровождает культуру, пронизывает ее.

Апокалипсис приближается вплотную к человеку, сжимает вокруг него кольцо, становясь реальным, настоящим, действительным [Косякова 2018, с. 5].

Это идеологический дискурс, код алгоритма, и массовый, и индивидуальный процесс компромисса (или, напротив, вызова) с невзгодами, бедами и кошмарами. Апокалиптические воззрения всегда о морали, ведь Конец не наступает беспричинно. Он не настанет, если мир не достигнет точки невозврата. Для архаических культур характерна провокация божественной воли – если боги (или бог) оскорблены, обозлены на смертных за неуважение к демиургам; или когда сам мир одряхлел и требует обновления. Авраамические стратегии же линейны: мир – и человечество – движется от завязки к кульминации, где каждому воздается по заслугам.

Данный иллюстративный материал преимущественно религиозно-институционален, однако, так как эсхатологический алгоритм вирулентен, он затрагивает и иные области культуры, не исключительно сакральные. Валерия Косякова отмечает:

Множество художественных (и не очень художественных) современных произведений (текстов, фильмов, игр) и массового, и элитарного характера не могут обойтись без включения эсхатологического кода [Косякова 2018, с. 6].

Категория Конца Света задействуется как метафора: в круге источников современных российских повествований о будущем он – не столько в иудео-христианском его значении, сколько в аллегорическом, как великое испытание, – не только «ситуация», но и «фон», препятствие. Российская культура не отклоняется от эсхатологического настроения – напротив, она пропитана им. Наиболее ярко это проявляется в литературе XX в., когда череда кризисов актуализировала эсхатологический код [Косякова 2018, с. 6]. Он бытует и в фантастике 2010-х: в косвенных и прямых референсах к предшествующим апокалиптическим сюжетам и феноменам настоящих лет. Эсхатологические мотивы здесь – всеохватный *опыт* Конца, вне зависимости от того, предполагает он перерождение или нет. *Опыт* подразумевает единство читателя и персонажа с финальным катаклизмом. В результате длительных и разрушительных метаморфоз российская культура к нему особенно чувствительна.

При этом Апокалипсис неотъемлем от предумышленной фантастики. Целый спектр литературы – пост- и апокалиптика – заимствует его мотив. Он – случайность, влекущая за собой жуткие последствия. Колба с вирусом, разбитая в лаборатории; сбоящий искусственный интеллект, запускающий ядерные боеголовки, – мрак, просачивающийся в реальность, искажающий ее.

Порой причина Апокалипсиса скрывается от реципиента намеренно, как, например, в романе «Вонгозеро» Яны Вагнер (2011), или существует в нескольких видах – если действующие лица верят в разные теории. Не последняя роль у пропаганды, распространяющейся среди выживших, подтасовывающей факты. Так как он мыслится не только как нечто грянувшее в сугубо фикциональном пространстве, но и как вполне осязаемое предчувствие близящегося катарсиса, истории о будущем необычайно актуализируются. Сюжеты 2010-х о будущем – как было затронуто ранее, тяготеющие к анти-идеальному, – неотмежаемы от апокалиптического концепта: будущее сконвертировано из индивидуальных и коллективных чаяний и опасений, а Конец Света инкорпорирует священную фобию – неисправимого финала *для всех*.

Валерия Косякова отсылает к XX в. как к эпохе эсхатологической ажитации, однако и 2010-е гг. минуют под ее эгидой, поступательно подводя к оглушительному всплеску начала 2020-х. В этом

смысле Апокалипсис непрерывен. В его ядро вплетена трагедия, и текст коммуницирует ее как разделяемый экспириенс: само время – и то, в котором пребывает читатель, и то, куда помещен главный герой, – рисуется как травма. Российский автор 2010-х, имплементирующий в свое произведение апокалиптическую проблематику, рассчитывает на глубинное *понимание* реципиента, взрослого на той же отравленной почве. В 2019–2020-х апокалиптичность достигает пика: пандемия, поражающая континент за континентом, напряженная политическая обстановка, оттачиваемая система пропаганды. Прошлое смутно, неоднозначно и не способно утешить, будущее же пессимистично и непредсказуемо. Фантастика и эсхатологические мотивы интегрируются друг в друга, осуществляя социально-терапевтическую функцию, что повышает релевантность и интерес к жанровой литературе.

«Четверо» насыщен компенсаторностью. Апокалипсис в нем подчиняет и протагониста, и художественный мир. Становится стержнем, вокруг которого вычерчивается структура фантастического пространства. Конец – жест авторской рефлексии.

Это подводит к фигуре протагониста в конструировании эсхатологического будущего. Именно глазами героя читатель проникает в художественный мир, его позицию касательно происходящего занимает или, наоборот, оспаривает. Апокалипсис подразумевает угрозу обществу, укладу, сознанию, и она должна быть устранена действиями главного героя. Его соприкосновение с внешним пространством – один из основных компонентов российской фантастики; герой выстраивает иерархию, а значит, вступает в те или иные отношения с властью.

У власти широкий спектр значений. Это и государственные структуры, и судебные органы, но и социализация, дисциплинарная система, так или иначе контролирующая, корректирующая, интегрирующая. Художественный мир будущего рисуется враждебным в том числе потому, что так или иначе «ломает» протагониста: «естественный» человек не способен выносить его тирании. Этот мир сломан, и потому сломан и тот, кого ему удалось подчинить себе. Казалось бы, закономерная реакция – сопротивление, бунт; голливудский сюжет, где хорошее отделено от плохого, и добрые парни с кулаками оглушительно побеждают. «Четверо» избирает иную стратегию: его персонажи на заряжены социополитически, их диалоги и монологи о существующем порядке поверхностны, корреляция между психологическим опытом Конца и его социально-политическими причинами не рефлексивируется.

Подвергая роман дискурс-анализу [Водак 2011, с. 286–291], можно обнаружить, что его фикциональное пространство состав-

лено из намеков, мимолетных фраз. Иначе говоря, ответственность за усвоение местных законов ложится на плечи читателя. Именно он собирает мозаику из подсказок.

Как уже оговаривалось, в «Четверо» в контексте темы актуальные две линии: научно-исследовательского корабля «Рассвет», чей пункт назначения – планета – поглощенная глобальной катастрофой, и молодого человека из Санкт-Петербурга, Поплавского, вышедшего на связь с таинственной Онерией, затерянной в космических глубинах.

И Лазарев, капитан корабля, и Поплавский, пациент клиники Бехтерева, демонстрируют несколько граней Конца. Лазарев сталкивается с ним непосредственно – как с монстром, желающим слиться с ним. Поплавский же – наблюдатель, фиксирующий чужую историю, лишаящую его разума. Оба они испытывают себя вопросами: готов ли ты не подчиниться приказу? Можешь ли ты нарушить табу на убийство, и, если да, что достойно подобной жертвы? Жертва ли это? Где предел твоей совести как конструкта, предотвращающего жестокость? и т. д.

Надзор осуществляется перманентно: для Лазарева это искусственный интеллект корабля и его собственная должность, для Поплавского – больница. До некоторого момента оба протагониста пребывают в социуме, в рамках его представлений: Лазарев высаживается на чужой планете, стремясь быть достойным капитаном, не поддаваясь панике, когда на борту разворачиваются странные происшествия. Поплавский – пациент в психиатрической клинике под круглосуточным наблюдением. Лазарев диктует себе, кем обязан быть, основываясь на культурных идеалах: исследователь, Герой; Поплавский же – в эпицентре системы, вырабатывающей правила, каков должен быть «нормальный член общества».

Впечатления врача последнего:

По некоторым постам о нем можно было бы сказать, что это вполне нормальный и адекватный человек: он рассказывал, как погулял по городу, выкладывал фотографии, ссылки на новости с остроумными комментариями – в чувстве юмора ему было не отказать – и постил клипы рэперов. По всей видимости, он любил рэп, тут был и Хаски, и Оксимирон, и смешные шутки про Гнойного.

Еще – рецензии на компьютерные игры. Жил он с родителями, свободного времени хватало. Эдуард играл почти во все, что выходило. Лучшей игрой прошлого года он назвал Doom.

Обычный чувак из интернета. Только почему-то ведет ЖЖ в 2017 г.

А еще с ним разговаривает женщина с далекой планеты. Она просит землян о помощи, потому что ее мир подвергся нападению ужасных белых червей. Именно этому посвящена основная часть записей в его ЖЖ<sup>2</sup>.

На уровне дискурса выделяются четкие критерии адекватности: хорошо гулять, общаться, любить музыку и игры, быть человеком из толпы, которому нравится то, что нравится остальным; неправильно, жутко вести диалоги с инопланетными девушками. Никого не беспокоило бы, публикуй юноша роман, однако доказывать реальность заведомо сочиненного – безумие. «Парафренный синдром. Фантастически-иллюзорный онейроидный синдром. Слуховые галлюцинации. Вспышки эйфории. Подозрение на параноидальную шизофрению»<sup>3</sup> – единственные принимаемые в расчет оправдания его состояния; в лице доктора Хромова власть стремится урегулировать его, вернуть в течение «приемлемой» жизни.

По тому же принципу разворачивается арка Лазарева: на путешествии в чужую звездную систему его вдохновляет подвиг, образ легенды, которой он мог бы стать, – притязание, поощряемое общественными тезисами о достоинстве, благородстве, славе. Это не перечеркивает его любви к своему делу, искренней самоотверженности, и все же, он постоянно оглядывается на «должен», «приемлемо», «кодекс», «звание». Даже будучи в сотнях световых лет от Земли, где его команду, возможно, никто уже не ждет, он заключен в процедуру, блюдет самого себя, не отклоняется от курса, проложенного встроенной в его культурный код инспекцией. Затем, в поле истребленной планеты, при контакте с океаном, он вынужден выбирать, придерживаться ли стратегий, выточенных в нем властью: приоритеты, ценности. Океан перенимает человеческий облик, беседует с ним и задает вопросы, раслаивающие власть капитана в нем самом и вне его: предлагает либо гибель Земли, либо его, Лазарева, слияние с симбионтом. Решение обусловлено инкорпорируемой им серией задач, вложенных властью: отдаст ли он собственную жизнь в распоряжение океана, чтобы тот не сумел проникнуть на Землю и истребить ее, или сбежит, взяв его с собой и в себе? Примечательно, кроме того, *почему* океан не пожелал расставаться с Лазаревым: обличая его истинные эмоции – то, что ему жаль чужой мир, и то, что он скорбит по своей команде, коря себя за то, что не был к ним достаточно внимателен и уважителен, так и не проникся к ним симпатией, – он обнажает и механизм власти:

---

<sup>2</sup> Пелевин А.С. Указ. соч. С. 36.

<sup>3</sup> Там же. С. 39.

Но ведь это ты. Разве плохо, что ты испытал свои эмоции? Не те, что навязаны твоим обществом, не те, которые хотели настроить воспитанием и социализацией – какое смешное слово в вашем языке, – но твои, именно твои и больше ничьи? Ты такой. Мне это нравится. Я оставлю тебя здесь<sup>4</sup>.

Это согласуется с положениями Мишеля Фуко в «Надзирать и наказывать», посвященной способам надзора и наказания, превращающим насилие в инструмент тотальной власти, проникающей в повседневную жизнь каждого без исключения, что составляет новое общество универсального контроля. Фуко концентрируется на государственной власти, разворачивая полотно многовековых казней, постепенно взращивая суждения до монументального, всеобъемлющего механизма наблюдения, фиксирования, регулирования – паноптизма. Он зачинается мерами при эпидемии чумы: строгое пространственное распределение, непрерывное инспектирование, обязанность докладывать друг на друга, замкнутое, сегментированное пространство, где просматривается каждая точка, где у каждого свое место, иерархия, насквозь пронизывающая сам порядок существования [Фуко 2018, с. 239–242]. Современность и будущее укореняются в болезни, действуют по ее законам: люди воспринимают окружающих как потенциально инфицированных, что влечет за собой новое прозрачное устройство социума. И Поплавский, и Лазарев испытывают на себе паноптическое давление: первый – как пациент, выворачиваемый наизнанку лечащим врачом с единственной целью – «вернуть его в рамки нормы»; второй – как капитан, которому не удастся отыграть отведенную роль и который оказывается перед всевидящим оком создания гораздо более древнего и могущественного.

Для Фуко дисциплина – в первую очередь телесный аспект: начальные школы, больницы, военная организация; свод правил, «верных» способов «нести себя», подобно солдатам. Дисциплина вторгается в различные институты, обволакивая все большее их количество, тем самым укореняясь на всех уровнях жизни, воспитывая «послушные» тела [Фуко 2018, с. 168].

Она овладевает «всем общественным телом» [Фуко 2018, с. 169]. Лазарев и Поплавский являются его частью: будучи изначально вписанными в него, а значит, являясь объектами дисциплины, воспринявшими ее в свое телесное пространство, они сталкиваются с событиями, которых система не учитывает, и «выпадают» из нее. Отныне дисциплина не применима к ним – кодекс не защитит от

---

<sup>4</sup> Там же. С. 309–310.

агрессивных вод, бурлящих у дверей шаттла, так же, как иллюзии выздоровления не уберегут от ужасов, разделенных с женщиной, погибающей среди звезд. До поры до времени оба протагониста цепляются за власть: капитан пытается заботиться о команде, поступать по правилам, а юноша старается смириться с нахождением в психиатрической клинике. Однако дисциплина оказывается бесполезной, и возникает необходимость свергнуть власть: и Лазарев, и Поплавский отвергают ее. Лазарев улетает с мертвой планеты, внемля доводам океана, хотя ему известно, что тот последует за ним, и исход будет трагичен; Поплавский превращается в убийцу. В обоих случаях это сопротивление, демонстрация отвращения к власти, насаждающей обязанности, но беспомощной и пустой, когда надеешься на ее помощь. И так как власть синонимизируется с самим художественным миром, служит его фундаментом и рычагом управления, борьба с ней означает войну с миром: протагонисты подталкивают его к Концу путем отщипывания самих себя.

Итак, апокалиптические мотивы в российской фантастической литературе 2010-х беспощадно демонстрируют жестокую, равнодушную изнанку современности. Россия 2010-х находится на перепутье: она еще не отпустила советское наследие и не вполне готова к переменам, но осознает, что они надвигаются. Герой, выдрессированный социумом и культурой отчаяния, но стремящийся туда, где их власть бессильна – предупреждение, аккумулирующее культуру настоящего. В своей массово-литературной ипостаси эсхатологический код, программирующий и самих персонажей – сублимация, экспрессия тревожности, базового расстройства человека «нашего» времени. «Четверо», как и прочие фантастические тексты Армагеддона, использует фантастику как преобразование деталей текущих лет. Но роль эсхатологических мотивов значительнее, чем просто «дополнительная грань фантастического»: тысячелетиями сопровождающая культуру и внедряясь в нее, они вбирают в себя потаенные, вытесненные ее импульсы. В 2010-х, равно как и в зачинающихся 2020-х, это обретает игровые формы: сходить в кино на постапокалиптический фильм, чтобы пощекотать нервы, однако не исключает базовую компенсаторную функцию, симультанно и экскапистскую.

### *Литература*

---

- Андрианова 2014 – *Андрианова М.Д.* Эксперименты с жанром утопии в творчестве В. Пелевина // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2014. № 4. С. 119–126.
- Белицкий 2000 – *Белицкий М.* Шумеры. Забытый мир. М.: Вече, 2000. 432 с.
- Березовская, Демченков 2016 – *Березовская Л.С., Демченков С.А.* Постапокалиптика как жанр научной/паранаучной фантастики // Вестник Омского государ-

- ственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 4 (13). С. 64–67.
- Водак 2011 – *Водак Р.* Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2011. № 4 (38). С. 286–291.
- Кайуа 2006 – *Кайуа Р.* В глубь фантастического. Отражённые камни / Пер. с фр. Н. Кисловой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. 280 с.
- Косьякова 2018 – *Косьякова В.* Апокалипсис Средневековья. Иероним Босх, Иван Грозный, Конец Света. М.: АСТ, 2018. 400 с. (История и наука Рунета)
- Фуко 2018 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 416 с.

## References

---

- Andrianova, M.D. (2014), “Experiments with the genre of utopia in the work of V. Pelevin”, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, no. 4, pp. 119–126.
- Belitskii, M. (2000), *Shumery: Zabytyi mir* [Sumerians: Forgotten world], Veche, Moscow, Russia.
- Berezovskaya, L.S. and Demchenkov, S.A. (2016), “Post-apocalyptic as a genre of science/parascience fiction”, *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, no. 4 (13), pp. 64–67.
- Caillouis, R. (2006), *V glub fantasticheskogo. Otrazhennyye kamni* [Into the depths of fantasy. Reflected stones], Izd-vo Ivana Limbakha, Saint Petersburg, Russia.
- Foucault, M. (2018), *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie turmy* [To Prosecute and Punish: The Birth of the Prison], Ad Marginem Press, Moscow, Russia.
- Kosyakova V. (2018), *Apokalipsis Srednevekov'ya. Jerome Bosch, Ivan Groznyi, Konets Sveta* [Apocalypse of the Middle Ages. Hieronymus Bosch, Ivan the Terrible, End of the World], АСТ, Moscow, Russia.
- Vodak, R. (2011), “Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis”, *Political Linguistics*, no. 4 (38), pp. 286–291.

## Информация об авторе

*Елизавета О. Белоусова*, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Belousova.lisa@yandex.ru

## Information about the author

*Elizaveta O. Belousova*, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Belousova.lisa@yandex.ru

УДК 069.8(44)

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-76-85

## Французские музеи и наука: новый этап дискуссии

Мария С. Стефко

*Российский государственный гуманитарный университет  
Москва, Россия, stefko\_ms@rggu.ru*

*Аннотация.* В работе представлены и проанализированы в контексте современной музейной практики материалы коллоквиума «Музеи и наука», организованного французским национальным комитетом ИКОМ в 2021 г. Автор отмечает актуальность темы и тезисов в международном контексте, что связано с разработкой нового определения понятия «музей» и тем влиянием, которое имеет ICOM France в Международном совете музеев.

Многие проблемы, рассматриваемые представителями французских музеев и научных институтов, не только характеризуют состояние музейной сферы во Франции, но также созвучны и российской музейной практике. Французские музейщики отмечают необходимость выводить на качественно новый уровень отношения музеев, университетов и научных институтов, важность стратегического планирования научной работы с учетом потенциала каждой из сторон. Музеология как научное направление заняла подобающее ей место в системе знания о музеях и признана академическим и музейным сообществом как ее неотъемлемая часть. Научные исследования, в которых совместно участвуют музеи, университеты и научные институты, могут стать основой для более высокого уровня подготовки кадров и их развития. Авторы отмечают связь музейной науки с высоким уровнем доверия общества к музею как открытого для общества источнику достоверного знания.

*Ключевые слова:* музеи, наука, Франция, определение, экосистема

*Для цитирования:* Стефко М.С. Французские музеи и наука: новый этап дискуссии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2022. № 7. С. 76–85. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-76-85

---

© Стефко М.С., 2022

## French museums and science: a new phase of discussion

Mariya S. Stefko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,  
stefko\_ms@rggu.ru*

*Abstract.* The author examines in the context of modern museum practice the materials of the colloquium “Museum and Science”, organized by the French National Committee of ICOM in 2021. The author notes the relevance of the topic which relates to the development of a new definition of the concept of “museum” and the influence that ICOM France has in the International Council of Museums.

Many of the problems considered by French museum professionals and scientists characterize the state of the museum sphere in France but are also consonant with Russian museum practice. French museum specialists stress the need to bring the relations of museums, universities and laboratories to a qualitatively new level, the importance of strategic planning of scientific work in consideration of the potential of each of the parties. Museology, as a scientific field, has taken its rightful place in the system of knowledge about museums and is recognized by the academic and museum community as an integral part of it. Scientific research, in which museums, universities and laboratories participate, can become the basis for a higher level of graduate training and their development in museum. The authors note the connection of museum science with a high level of public confidence in the museum as a source of reliable knowledge open to society.

*Keywords:* museums, science, France, definition, ecosystem

*For citation:* Stefko, M.S. (2022), “French museums and science: a new phase of discussion”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 76–85, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-76-85

Изменения, происходящие в современном обществе, неизбежно затрагивают все его социальные институты, что находит свое отражение в том числе в трансформации содержания актуальных для общества ключевых понятий и терминов. Международный совет музеев, представляющий профессиональное музейное сообщество более чем ста сорока стран мира, уточняет понятие «музей» примерно раз в десятилетие. Обсуждение такого, казалось бы, теоретического вопроса о содержании этого понятия и необходимости его обновления имеет далеко идущие последствия в области музейной практики. Проблематизация содержания понятия «музей» находит свое выра-

жение в дискуссиях, которые разворачиваются в настоящее время в национальных комитетах Международного совета музеев.

С 1951 г. в определении понятия «музей» зафиксирована функция изучения музейных предметов, которая присутствует в нем и до настоящего времени. Замена глаголов в этом определении (studying – в 1951, researches – с 1974), казалось бы, даже усилила акцент на научной составляющей музейной работы. Однако изменения, происходящие с современным обществом, позволяют ставить под сомнение значение того, что недоступно и, как следствие, непонятно широкой аудитории. Научная составляющая музейной работы относится к такого рода явлениям. Это заставляет профессиональное музейное сообщество снова и снова размышлять о специфике музейной работы. В ходе дискуссий на эту тему появляются публикации, терминологические словари, которые фиксируют состояние музейной практики и теории как на национальном, так и на международном уровне<sup>1</sup>. В публикациях, предвещающих выход словарей, нередко можно встретить обсуждение проблемы сложности перевода и трансфера отдельных терминов [Лещенко, Урядникова 2012, с. 216–217], а также констатацию того факта, что в процессе формирования международного профессионального языка четче проявляется национальная специфика музейной практики [Шляхтина 2009]. Стремление к формированию собственного терминологического аппарата является важным этапом развития музеологии как науки, а также позволяет выявить общие тенденции и специфику развития музейной практики в разных странах.

Утрата музеями статуса научного учреждения отмечается многими исследователями в разных странах как весьма значимая и актуальная для обсуждения в профессиональной среде проблема. Как отмечает А.А. Сундиева, говоря о будущем музейной профессии в России:

...отказ от научной деятельности сделал бы существование музея бессмысленным. <...> Нельзя закрывать глаза на то, что структура

---

<sup>1</sup> В отечественной науке о музее до сих пор не утратил своего значения «Словарь актуальных музейных терминов» (Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 47–68.); в 2010 г. был опубликован, а в 2012 г. увидел свет в русском переводе другой не менее важный труд – “Key Concepts of Museology” (Key Concepts of Museology / Ed. by A. Desvallées, F. Mairesse. P.: Armand Colin, 2010. 90 p.); наконец, годом позднее на французском языке вышел фундаментальный словарь “Dictionnaire encyclopédique de muséologie” (Dictionnaire encyclopédique de muséologie / Ed. by A. Desvallées, F. Mairesse. P.: Armand Colin, 2011. 732 p.).

научных учреждений в стране изменилась и музеи уже не могут играть ту роль, которую они играли на заре формирования научной археологии, антропологии, этнографии. Но невозможно просто хранить и демонстрировать коллекции, не продолжая их научного изучения и научного музейного коллекционирования. Мы рискуем превратить музеи в склады [Сундиева 2007, с. 40].

Будучи участником группы по разработке определения музея в национальном комитете ИКОМ, хотелось бы заметить, что опасения, высказанные пятнадцать лет назад, не потеряли своей актуальности и сейчас, но, как показали исследования, проведенные ИКОМ России в процессе работы, значение научной работы внутри профессионального сообщества по-прежнему велико.

Что же заставляет музейщиков других стран задумываться о роли науки в музее? На наш взгляд, обсуждение этой темы имеет ценность не только страноведческую, но и мировоззренческую, позволяя лучше понять социальный и интеллектуальный контекст явлений. В качестве примера рассмотрим недавнюю дискуссию о музее и науке, прошедшую во Франции. Организована она была французским комитетом ИКОМ, одним из старейших, самых активных и многочисленных национальных комитетов в составе Международного совета музеев<sup>2</sup>. Стоит отметить, что этот комитет представляет одну из наиболее влиятельных национальных музейных школ с собственными многовековыми традициями. ICOM France активно использует возможности распространения своей позиции, знаний и опыта за пределы Франции, проводя большинство своих коллоквиумов в режиме трансляций с синхронным переводом, публикуя и переводя на английский язык их материалы. В марте 2021 г. была организована специальная встреча, посвященная теме «Музей и наука»<sup>3</sup>. Обратимся к ее материалам [Raoul-Duval 2021].

---

<sup>2</sup> ICOM France объединяет более 5 тыс. индивидуальных членов и 450 организаций и представлен в 32 международных комитетах ИКОМ. Всего же в Международном совете музеев около 50 тыс. членов из 115 стран (The official site of ICOM France. 2022 [Электронный ресурс] // “Nos missions”. URL: <https://www.icom-musees.fr/qui-sommes-nous/nos-missions> (дата обращения 10 июня 2022)).

<sup>3</sup> Необходимое уточнение: во французском языке, как и в английском, слово *science* используют для обозначения наук о природе, человеке, а также сферы технологий, *recherche* имеет более широкое значение и включает также науки социально-гуманитарного цикла. Для удобства перевода в обозначенном контексте мы будем говорить о науке в целом, делая необходимые уточнения.

Предваряя выступления, президент ICOM France Жюльетт Рауль-Дюваль очертила контекст, в котором происходили дебаты. Безусловно, первое – это процесс обсуждения нового определения понятия «музей», которое возвращает профессионалов к вопросу о том, что в современном обществе является музеем, а что нет. Ответом на вопрос об отличии музея от культурного центра или мест отдыха может быть то, что

...деятельность музея научна по определению, так как основывается на описании коллекций, изучении предметов, их истории; эта система знаний и есть результат тех исследований, которые проводит музей, и именно она дает музею право выступать гарантом достоверности тех знаний, которые он транслирует [Raoul-Duval 2021, pp. 9–10].

Эта позиция отнюдь не является декларацией: все музеи, имеющие статус “Musée de France”, обязаны разрабатывать и реализовывать программу научных исследований (как правило, такая программа составляется на 4 года), что закреплено в соответствующем законе<sup>4</sup>.

Вместе с тем некоторые события последнего десятилетия в музейной жизни Франции<sup>5</sup> показали, что научная основа музейной работы, в том числе принцип комплексного научного комплектования музейных коллекций, могут быть поставлены под сомнение. Связано это, как ни парадоксально, с тем, что музей и его коллекции стали объектом изучения все более широкого спектра наук: от фундаментальных до социальных. С последними связаны темы новой волны реституции и деколонизации музеев, стремление к политизации их деятельности и ухода от диалога, основанного на результатах научных исследований, который особенно нужен, когда речь идет о сложных темах в истории обществ. В этой связи Жюльетт Рауль-Дюваль предложила в качестве одного из вопросов обсудить различия в степени влияния на музейную практику исследователей, которые работают *в музее* с его коллекциями, *для музея* (в университетах, лабораториях, центрах реставрации) и для которых *музей является объектом* изучения (социология и другие науки об обществе) [Raoul-Duval 2021, p. 11].

<sup>4</sup> Loi n° 2002-5 du 4 janvier 2002 relative aux musées de France.

<sup>5</sup> Речь о процессе возврата культурных ценностей бывшим колониям, инициированным президентом Эмманюэлем Макроном в 2017 г. Само заявление и доклад Савуа-Сарра на эту тему, подготовленный по прямому распоряжению президента, вызвал широкую общественную дискуссию и резко негативную позицию музейного сообщества во Франции.

Эрик де Шассэ, директор Национального института истории искусства, обратил внимание на то, что в современном обществе для музеев важно не только изучать свои коллекции, но и формулировать соответствующие идеи. В этом смысле музеология дает понимание специфики знания, которое предлагает музей.

Каждое исследование требует конкретных решений, проверок, размышлений, которые и составляют его суть, не только в случае, когда речь идет об изучении предметов, но также когда мы пытаемся понять, как организовано производство нашего знания о них [Chassey, de 2021, p. 28].

Рефлексия специфики того, как организовано получение знания в музее важна по нескольким причинам: для управления коллекциями музея, для работы ученых, а также для принятия управленческих решений.

Научный директор Национального института наследия Кристиан Оттан, продолжая тему музея как объекта изучения, отметил, что музей, как никакой другой институт культуры, включен в медийное пространство и привлекает внимание исследователей из самых разных областей (социологов, антропологов, экономистов), не замечающих различий между музеями и сферой наследия в целом. В этой ситуации возникает риск утратить понимание специфики музейной науки (науки в музее и науки о музее тоже). Выходом из этой ситуации могли бы стать расширение подобных исследований в университетах, включение научных исследований и публикаций в функционал музейных сотрудников (и поиск финансирования на них, что особенно актуально для региональных музеев), а также работа над профессиональными стандартами на международном уровне с тем, чтобы сделать научную работу и рефлексию методов частью профессионального стандарта хранителей [Hottin 2021a, pp. 33–34].

Точка зрения музейщиков на проблему науки и музея оказалась не менее интересной. Так, заместитель директора Музея Армии<sup>6</sup> Ариана Джеймс-Саразан, отметив, что наука и есть суть деятельности музея, предложила свою идеальную модель «исследовательского музея». Музей должен обладать следующими характеристиками: он опирается в своей работе на коллекции и документы, подвергая их критическому анализу; находится в междисциплинарном поле, в том числе на уровне постановки целей исследований; развитие прикладных и фундаментальных исследований по всем направле-

---

<sup>6</sup> Музей основан в 1905 г., находится в ведении Министерства обороны.

ниям музейной работы, будь то фондовая работа или выставочный проект [James-Sarazin 2021, p. 51].

Франсис Дюрантон, директор музеев Тулузы, и Анн-Катрин Робер-Оглуэстен, директор Музея авиации и космонавтики<sup>7</sup>, обратили внимание на необходимость вовлечения сотрудников разных отделов музеев в научную работу, а также расширения связей с университетами. Они полагают, что это может быть полезно для уточнения состава учебных предметов будущих специалистов, а также для обогащения источниковой базы исследований. «Студентам, изучающим историю науки и техники, говорят: “Сформируйте корпус архивных документов”; мы же должны быть в праве сказать им: “Сформируйте корпус предметов и рассмотрите их в комплексе с архивными и другими видами источников”» [Robert-Hauglustaine 2021, p. 54].

Директор Музея человека<sup>8</sup> Андре Дельпюэш предложил по-новому взглянуть на руководство наукой в музее. По его мнению, пора перестать противопоставлять «благородную» науку и «скучное» администрирование – наоборот, руководство наукой в музее в условиях междисциплинарности становится задачей самого высокого порядка.

Наука все меньше является индивидуальной работой – это работа командная. Необходимо создавать экосистемы, в которых исследователи могли бы обмениваться идеями, конкурировать, приходить к новым результатам [Delpuech 2021, p. 57].

Также он обратил внимание на проблему социальных манипуляций наукой и результатами исследований.

В музее общества, каким является наш, «музея идей» часто бывает больше, чем «музея коллекций»: мы работаем с темами, которые так широко и подробно не рассматривают другие музеи (эволюция, расизм, генетика, искусственный интеллект). К примеру, наша последняя выставка «На границах человеческого» исследует пределы манипуляций с человеческим телом, будь то спорт или генетика. Важно, чтобы у нас был ответ в тех случаях, когда происходит манипуляция

---

<sup>7</sup> Музей основан в 1919 г., находится в ведении Министерства обороны.

<sup>8</sup> Музей основан в 1937 г. как музей-лаборатория. Кроме научной, известен своей активной гражданской позицией и общественной деятельностью; во время Второй мировой войны большинство сотрудников музея были участниками Сопротивления. В настоящее время в музее работают более 300 исследователей в шести научных лабораториях.

наукой, как это может быть в социальных науках или антропологии. <...> ...мы понимаем, что сейчас больше, чем когда-либо необходимы научные работы самого высокого уровня, убедительные и хорошо аргументированные. Интеллектуал должен быть человеком действия [Depluech 2021, p. 57–58].

Кристиан Оттан предложил тему «исследовательского музея» и предложил свое видение прозвучавшей в дискуссиях идеи исследовательской экосистемы музея. На дисциплинарном уровне она делится на четыре блока: науки, соответствующие профилю музея (история, археология, история искусства, естественные науки и т. д.) – они формируют научную базу и комплекс исследовательских методов в соответствии с профилем музея; прикладные науки, необходимые для обеспечения сохранности предметов (химия, физика, биология); науки, для которых музей является объектом изучения, прежде всего музеология с ее сложившимся корпусом исследований и признанных авторов, системой подготовки кадров и, как следствие, способностью менять музейную практику; наконец, науки, рассматривающие музей в собственном контексте (социология, история культуры, право, этнология) [Hottin 2021b, p. 66]. Для того чтобы выстроить взаимодействие между всеми блоками, безусловно, необходимы усилия по организации научной работы, о которых говорил Андре Дельпюэш.

Не менее важны для нормального функционирования экосистемы ее способность защищаться от конъюнктурных требований разного рода сообществ (достоверное научное знание в этом случае может быть защитой музея) и налаживать диалог внутри, между специалистами разных профилей, хранителями и исследователями, в том числе молодыми, приходящими из университетов. Наконец, очень важно признание научной составляющей музейной работы и научных заслуг музейных сотрудников со стороны государства, когда речь заходит о замещении министерских должностей.

Очевидно, в темах, поднятых французскими коллегами, немало сюжетов, пересекающихся с отечественной практикой. Тем интереснее анализировать динамику процессов, выявлять общие позиции и различия. Важно отметить, что музеология как наука заняла определенное место в системе научного знания французских музеев. Решение проблемы подготовки кадров для музеев и их последующего профессионального развития видится участникам дискуссий в плоскости научных исследований. Наконец, отметим заинтересованность музеев во включении в научный оборот, в том числе на уровне университетских исследований, предметов из их коллекций: расширение корпуса источников,

безусловно, даст результаты не только научные, но и репутационные, утверждая в общественном сознании доверие к музейной науке и музею в целом.

### *Литература*

---

- Лещенко, Урядникова 2012 – *Лещенко А.Г., Урядникова А.В.* О новом словаре «Ключевые понятия музеологии» // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2012. № 11 (91). С. 215–223.
- Сундиева 2007 – *Сундиева А.А.* Музейная профессия сегодня // Вестник РГГУ. Серия «Культурология». 2007. № 10/07. С. 33–41.
- Шляхтина 2009 – *Шляхтина Л.М.* Рец.: Словарь актуальных музейных терминов / Авт.-сост.: М.Е. Каулен, А.А. Сундиева, И.В. Чувилова и другие // Музей. 2009. № 5. С. 47–68 // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2009. № 15/09. С. 333–334.
- Chassey 2021 – *Chassey de E.* Place de la recherche dans les musées en France et à l'international // Recherche et musées. Cycle soirée-débat déontologie / Ed. by J. Juliette Raoul-Duval. Table ronde. Le 9 mars 2021. Paris. P. 27–30.
- Depluech 2021 – *Depluech A.* La recherche dans les musées à l'épreuve des questions vivantes // Recherche et musées. Cycle soirée-débat déontologie / Ed. by J. Raoul-Duval. Table ronde. Le 9 mars 2021. Paris, 2021. P. 56–58.
- Hottin 2021 – *Hottin C.* Place de la recherche dans les musées en France et à l'international // Recherche et musées. Cycle soirée-débat déontologie / Ed. by J. Juliette Raoul-Duval. Table ronde. Le 9 mars 2021. Paris. P. 30–34.
- Hottin 2021 – *Hottin C.* Synthèse // Recherche et musées. Cycle soirée-débat déontologie / Ed. by J. Juliette Raoul-Duval. Table ronde. Le 9 mars 2021. Paris. P. 65–68.
- James-Sarazin 2021 – *James-Sarazin A.* La recherche dans les musées à l'épreuve des questions vivantes // Recherche et musées. Cycle soirée-débat déontologie / Ed. by J. Juliette Raoul-Duval. Table ronde. Le 9 mars 2021. Paris. P. 49–51.
- Raoul-Duval 2021 – *Raoul-Duval J.* Recherche et musées. Cycle soirée-débat déontologie. Paris. Le 9 mars 2021. Dijon. France.
- Robert-Hauglustaine 2021 – *Robert-Hauglustaine A.-C.* La recherche dans les musées à l'épreuve des questions vivantes // Recherche et musées. Cycle soirée-débat déontologie / Ed. by J. Juliette Raoul-Duval. Table ronde. Le 9 mars 2021. Paris. P. 54–56.

### *References*

---

- Chassey, de É. (2021), “Place de la recherche dans les musées en France et à l'international”, Raoul-Duval, J. (ed.), *Recherche et musées. Cycle soirée-débat déontologie. Paris. Le 9 mars 2021*, ICO imprimerie, Dijon, France, pp. 27–30.

- Depluech, A. (2021), “La recherche dans les musées à l’épreuve des questions vivantes”, Raoul-Duval, J. (ed.), *Recherche et musées. Cycle soirée-débat déontologie. Paris. Le 9 mars 2021*, ICO imprimerie, Dijon, France, pp. 56–58.
- Hottin, C. (2021), “Place de la recherche dans les musées en France et à l’international”, Raoul-Duval, J. (ed.), *Recherche et musées. Cycle soirée-débat déontologie. Paris. Le 9 mars 2021*, ICO imprimerie, Dijon, France, pp. 30–34.
- Hottin, C. (2021), “Synthèse”, Ed. Juliette Raoul-Duval, *Recherche et musées. Cycle soirée-débat déontologie. Paris. Le 9 mars 2021*, ICO imprimerie, Dijon, France, pp. 65–68.
- James-Sarazin, A. (2021), “La recherche dans les musées à l’épreuve des questions vivantes”, Raoul-Duval, J. (ed.), *Recherche et musées. Cycle soirée-débat déontologie. Paris. Le 9 mars 2021*, ICO imprimerie, Dijon, France, pp. 49–51.
- Leshchenko, A.G. and Uryadnikova, A.V. (2009), “About new dictionary ‘Keys concepts of museology’”, *RGGU Bulletin. “Culturology. Art History. Museology” Series*, no. 11 (91), pp. 215–223.
- Raoul-Duval, J. (ed.) (2021), “*Recherche et musées. Cycle soirée-débat déontologie. Paris. Le 9 mars 2021*”, ICO imprimerie. Dijon. France.
- Robert-Hauglustaine A.-C. (2021), “La recherche dans les musées à l’épreuve des questions vivantes”, Raoul-Duval, J. (ed.), *Recherche et musées. Cycle soirée-débat déontologie. Paris. Le 9 mars 2021*, ICO imprimerie, Dijon, France, pp. 54–56.
- Shlyakhtina, L.M. (2009), “Rev. ‘Keys concepts of museology’ ”, *RGGU Bulletin. “Culturology. Art History. Museology” Series*, no. 15 (09), pp. 333–334.
- Sundieva, A.A. (2007), “Museum profession today”, *RGGU Bulletin. “Culturology” Series*, no. 10/07, pp. 34–41.

### *Информация об авторе*

*Мария С. Стефко*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; stefko\_ms@rggu.ru

### *Information about the author*

*Mariya S. Stefko*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; stefko\_ms@rggu.ru

# Визуальные исследования

УДК 738.1

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-86-97

## Советский агитационный фарфор: идеология vs искусство

Егор В. Лукьяненко

*Санкт-Петербургский государственный университет,  
Санкт-Петербург, Россия, Vaza67EL@yandex.ru*

*Аннотация.* Объектом исследования данной статьи является советский агитационный фарфор, производимый в самом начале становления советской России. В работе рассмотрено начало формирования нового фарфорового производства после Октябрьской революции 1917 г., которое происходило в рамках плана советской монументальной пропаганды. Этот план был разработан вождем революции В.И. Лениным. Также проанализирована трансформация художественных приемов и образов, наносимых на изделия из «белого золота». Изображение на тарелках, вазах, чашках коммунистических лозунгов, символики и портретов революционных деятелей положило начало формированию такого уникального явления, как агитационный фарфор, который должен был воспитывать советских граждан в контексте политики партии. Над его созданием трудились лучшие отечественные художники и скульпторы первой четверти XX в. Поэтому агитфарфор получился высокохудожественным, что явилось причиной его успеха на международных выставках и популярности среди зарубежных коллекционеров. Однако данный факт в совокупности со сложностью производства сформировал высокую стоимость изделий. Это не позволило тарелкам и чашкам с призывами партии и портретами вождей пролетариата проникнуть в широкие слои населения и вести идеологическую пропаганду на бытовом уровне. Вместе с тем посредством экспонируемой за рубежом продукции была произведена демонстрация советской атрибутики и культуры в целом, что благоприятно повлияло на признание новой России за рубежом как объективной реальности.

*Ключевые слова:* советский агитационный фарфор, монументальная пропаганда, коммунистические лозунги, политическая агитация

*Для цитирования:* Лукьяненко Е.В. Советский агитационный фарфор: идеология vs искусство // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 7. С. 86–97. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-86-97

---

© Лукьяненко Е.В., 2022

## Soviet propaganda porcelain: ideology vs art

Egor V. Luk'yanenko

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,  
Baza67EL@yandex.ru*

*Abstract.* The object of research of this article is Soviet propaganda porcelain, produced at the very beginning of the formation of Soviet Russia. The paper considers the beginning of the formation of a new porcelain production after the October Revolution of 1917, which took part in the framework of the Soviet monumental propaganda plan. This plan was developed by the leader of the revolution V.I. Lenin. The transformation of artistic techniques and images used on products made of “white gold” was also analyzed. The image on plates, vases, cups of communist slogans, symbols and portraits of revolutionary persons marked the beginning of the creation of such a unique phenomenon as propaganda porcelain, which was supposed to educate Soviet citizens in the context of party policy. The best Russian artists and sculptors of the first quarter of the 20<sup>th</sup> century worked on its creation. Therefore, the propaganda porcelain turned out to be highly artistic, which was the reason for its success at the international exhibitions and popularity among foreign collectors. However, this fact, combined with the complexity of production, has formed a high cost of products. This did not allow plates and cups with party calls and portraits of the leaders of the proletariat to penetrate into the wider population and conduct ideological propaganda in the everyday life. At the same time, through the products exhibited abroad, a demonstration of Soviet attributes and culture in general was made, which positively influenced the recognition of the new Russia abroad as an objective reality.

*Keywords:* the Soviet propaganda porcelain, monumental propaganda, communist slogans, political agitation

*For citation:* Luk'yanenko, E.V. (2022), “Soviet propaganda porcelain: ideology vs art”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 86–97, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-86-97

Мировая история запомнила первую половину прошлого столетия как эпоху стремительного научно-технического прогресса, общечеловеческих катастроф, трагедий и падений мировых империй, что повлекло за собой смену мирового порядка. Итоги Первой мировой войны потребовали создания новых государств, способных существовать в сложившихся социокультурных реалиях. Одним из таких государств стал Союз Советских Социалистических Республик.

Все эти события, несомненно, оказали сильнейшее влияние на культуру и искусство, в том числе и нашей страны. Необходимость осмысления произошедших социокультурных трансформаций России первой половины XX в. обуславливает актуальность данной работы. Основной целью статьи является проведение анализа причин возникновения такого феноменального явления, как советский агитационный фарфор 1917–1925 гг., а также определение его роли и места в становлении молодой советской России и формировании культурного сознания населения. При написании статьи опора была сделана на научные труды, освещающие становление и развитие искусства производства фарфора в советской России, в частности, статьи М.С. Баютовой, И.А. Лавровой, М.Е. Васильевой и Д.А. Мичковой. Вместе с тем был рассмотрен Декрет Совета Народных Комиссаров от 12 апреля 1918 г., который являлся одной из составляющих плана советской монументальной пропаганды. Также изучена опубликованная в 1927 г. в журнале статья А.В. Луначарского о советском фарфоре. В качестве иллюстрации использованы артефакты рассматриваемой эпохи, находящиеся в коллекциях ФГБУК «Государственный Эрмитаж» (отдел «Музей императорского фарфорового завода») и ГБУК г. Москвы «Музей-усадьба “Кусково”». Методологическими приемами, позволившими достичь цели исследования, явились классический для гуманитарных наук метод анализа и исторический подход.

Одним из залогов успешной адаптации населения к новому режиму всегда являлась планомерная, целенаправленная и непрерывная деятельность государства по реформированию культурного сознания граждан. С этой целью в 1918 г. В.И. Лениным был разработан и предложен план монументальной пропаганды, согласно которому уничтожались «памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны», и начиналась разработка «проектов памятников, долженствующих ознаменовать великие дни Российской Социалистической Революции»<sup>1</sup>. Идеи монументальной пропаганды зародились еще во Франции во время буржуазной революции 1789 г., где жертвой событий стала крепость Бастилия, разрушенная до основания «революционными массами» и ставшая символом победы над старым режимом. В то же время

---

<sup>1</sup> Декрет Совета Народных Комиссаров № 416 «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» от 12 апреля 1918 г. // Известия Всерос. Центрального Исполнит. Комитета Советов. 1918. 14/1 апр. Вып. 74.

революционные события и лозунги нашли отражение во французском фаянсе конца XVIII в. По замыслу же Ленина, пропаганда через монументы должна была способствовать проведению педагогической и просветительской деятельности среди населения. Схожие тенденции ранее были отражены в произведении Т. Кампанеллы «Город Солнца», в котором описывались украшения стен города фресками, служащими «для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории», которые «возбуждают гражданское чувство – словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений». Учитывая схожесть замыслов «ленинской» пропаганды с сюжетом из рукописи Кампанеллы, можно предположить, что, с высокой долей вероятности, книга оказала влияние на часть решений и замыслов партийного руководства. Во исполнении плана по всей стране уничтожались памятники «царизму», разрушалось все, что так или иначе могло напомнить о прошлом России. Вместе с тем строилось новое агитационное искусство «светлой» социалистической эпохи. Трансформации подверглись все аспекты культурно-художественной деятельности. В том числе и фарфору суждено было стать агитационным, что явилось редким феноменом использования предметов декоративно-прикладного искусства (ДПИ) в государственных интересах. Вместо изящной ампириной и барочной росписи, разнообразных сюжетов и репродукций картин знаменитых художников, сцен из жизни дворян и романтических образов сельских жителей, украшавших царские сервизы, на фарфоре должны были появиться серп и молот, портреты главных деятелей революции, советские гербы и красные знамена, а также образы главных творцов революции – простых рабочих и крестьян. А фарфоровая пластика из «неправдоподобных» пасторальных образов и мифологических сюжетов превращалась в зеркало бытовых и профессиональных аспектов жизни народа, взывая к осознанию важности труда.

В свою очередь, фарфоровые изделия являлись и являются важным элементом быта. Поэтому обращение к фарфоровой промышленности советской пропагандой было сделано неслучайно. До конца XIX в. этот предмет ДПИ относился к элитарной культуре. В качестве одной из важнейших задач советского коммунизма рассматривалась возможность получения доступа элитарных вещей в дома обычных граждан. Появление фарфоровой посуды и скульптуры у разных слоев населения само по себе должно было повлиять на формирование положительного образа советской власти. Нанесение советской атрибутики, коммунистических лозунгов и идей прочно закрепило бы в сознании обывателей необходимость «строительства светлого будущего» и следования

призывам партии. Руководство страны предполагало сделать фарфор доступным каждому трудящемуся, сделать предмет, некогда означавший принадлежность к высшим сословиям, обыденным домашним предметом всех слоев населения страны.

Советская власть организовала производство фарфоровых изделий на уже имеющихся предприятиях, построенных еще в царской России. В начале XX в. выделялись два наиболее крупных производителя фарфора. Первое предприятие – Императорский фарфоровый завод (ИФЗ) в Санкт-Петербурге, который и на сегодняшний день задает тон отечественной промышленности в этой области. Вторым по важности предприятием являлся Дулёвский завод фарфоровых изделий под Москвой [Лаврова 2017]. Продукция этих предприятий стала одним из маркеров культурной трансформации периода становления советской государственности. Наиболее полно в работе своих сотрудников события времени отразил ИФЗ, который в 1918 г. был передан Народному комиссариату просвещения и переименован в Государственный фарфоровый завод (ГФЗ) с присвоением статуса испытательной керамической лаборатории республиканского значения<sup>2</sup>. Художественным руководителем создания нового формата советского фарфора, который коррелировал с Декретом СНК № 416 и планом монументальной пропаганды в целом, назначили С.В. Чехонина<sup>3</sup>. Новый формат предполагал массовое изготовление изделий из фарфора, на котором должны изображаться идейные мотивы, близкие народу, применяться свободные формы «яркого современного характера, которые еще никто не решился применять к фарфору», с целью единения искусства с социалистической реальностью<sup>4</sup>. Иными словами, фарфор должен был обеспечивать идеологическое воздействие в быту. Однако в своей статье «Советский фарфор» А.В. Луначарский говорит о важности сохранения фарфоровой промышленности в советской России не только в качестве производителя утилитарных предметов, но и как важной художественной единицы<sup>5</sup>. Им же в июле 1918 г. в газете «Известия ВЦИК» издано обращение о начале конкурса на лучшие надписи и изречения. В обращении содержался призыв

---

<sup>2</sup> Цветкова Г.В., Тылевич Т.А., Арсентьева Е.А. Фарфор. Три века совершенства: 275 лет Императорскому фарфоровому заводу. СПб., 2019. С. 112.

<sup>3</sup> Там же. С. 116.

<sup>4</sup> Луначарский А.В., Тройницкий С.Н., Филатов В.В., Транцев С.А. Советский фарфор. М.: Моск. худ. изд-во, 1927.

<sup>5</sup> Там же.

...отыскивать и присылать короткие, яркие, глубокие изречения, способные заставить задуматься прохожего человека и зародить искру светлой мысли или горячего революционного чувства в его душе<sup>6</sup>.

После проведения конкурса и заседания комиссии по этому поводу сообщалось о представлении 28 изречений на рассмотрение Ленину, которые последний утвердил и рекомендовал к повсеместному размещению. Страницы газет и журналов, праздничные панно и постаменты памятников, доски, укрепленные на стенах домов, стенки чашек, белый фарфор блюд и тарелок запестрели афоризмами и лозунгами.

Бесценный опыт работы в книжной и журнальной графике нового художественного руководителя ГФЗ, которого известный критик А.М. Эфрос называл «мастер советского ампира»<sup>7</sup>, помог преобразить строгие советские лозунги, утвержденные партийным руководством, в элементы расписного декора, а шрифт и текст адаптировать под роль орнамента. Под его руководством на тарелки, блюда и чашки стали наносить изречения: «Да здравствует Советская власть!», обращение коммунистического манифеста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Борьба родит героев», «Ум не терпит неволи!», «Общественное питание под огонь рабочей самокритики», «Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу», «Не то важно, что есть, а то, с кем есть», «С высоких вершин науки можно раньше узреть зарю нового дня, чем там, внизу, среди сумятицы обыденной жизни», «Вперед по ленинскому пути», «Спасти революцию – помочь голодающим», «В здоровом теле – здоровый дух», «Да здравствует всемирная гражданская война» и другие [Баютова 2021]. Имели место и цитаты далеко не революционного происхождения. Например, изречение, схожее со вторым посланием Святого Апостола Павла Фессалоникийцам, «Кто не работает, тот не ест», а также «Кто не с нами, тот против нас», родственное новозаветному высказыванию «Кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Евангелие от Матфея, гл. 12, ст. 30). Повсеместно наносилась портреты Ленина, советская символика: серп, молот и красные знамена. Так появилось уникальное художественное явление, называемое агитационным фарфором.

Первыми работами Чехонина стали юбилейное блюдо, исполненное к 25 октября 1918 г. (герб РСФСР в цветах) и большое овальное блюдо с автографами всех виднейших деятелей Октября-

<sup>6</sup> Известия ВЦИК. 1918. 20 июля. Вып. № 152.

<sup>7</sup> Цветкова Г.В., Тылевич Т.А., Арсентьева Е.А. Указ. соч. С. 116.

ской революции. Плечом к плечу в стенах завода над созданием советского искусства трудились такие знаменитые художники, как Р.Ф. Вилде, М.М. Адамович, В.Е. Татлин, З.В. Кобылецкая, М.В. Лебедева, К.С. Петров-Водкин и многие другие «локомотивы» отечественной живописи и искусства<sup>8</sup>. В числе первых были бисквитные бюсты К. Маркса и К. Либкнехта, выполненные скульптором ГФЗ В.В. Кузнецовым, а также бюст публициста-просветителя XVIII в. Н.И. Новикова и рельеф «Декабристы», которые явились творениями Н.Я. Данько. С другой стороны, агитационный фарфор запечатлел множество героев новой жизни: работницу завода, вышивающую знамя, матроса с красным революционным полотнищем, партизана Гражданской войны в походе, красноармейца – обычного рабочего с винтовкой, сотрудников милиции на страже правопорядка, крестьянок, а также многие другие социально значимые аспекты жизни общества. Скульпторы и художники разыгрывали целые агитационные сцены, отражали изменение социального статуса людей, например «буржуйку», продающую вещи, с целью хоть как-то заработать на жизнь. При создании изделий ставка делалась на колорит красок, который приковывал взгляд, на простоту и лаконичность. В разработке проектов росписи широко учитывался успешный опыт создания советских плакатов. Однако особенностью росписи тарелок была их округлая форма, что обуславливало необходимость «вписать» прямоугольный плакат в круг. Поэтому декоративные возможности художника были существенно ограничены [Малинина 2018].

Одним из самых выдающихся фарфоровых изделий того времени стал набор шахмат «Красные и белые» сестер Н.Я. Данько и Е.Я. Данько – художественное осмысление противостояния красной и белой армий<sup>9</sup>. На шахматной доске через фарфор в аллегорической форме переданы два мира. Шахматная доска символизирует поле Гражданской войны, на котором разворачивается конфронтация. «Красная сторона» – красноармейцы в буденовках и галифе, рабочие города и крестьяне, ладьи с парусами в виде пятиконечной звезды. «Белые» отображают «персонажей прошлого»: король-скелет в рыцарских доспехах, полубогаженная королева с опрокинутым рогом изобилия, из которого просыпаются золотые монеты, лейб-гвардейцы в блестящих кирасах и пешки в виде стянутых цепями рабочих.

Совершенно необыкновенный всплеск агитации прослеживался и в изделиях Дулёвского фарфорового завода. Так, первым

<sup>8</sup> Цветкова Г.В., Тылевич Т.А., Арсентьева Е.А. Указ. соч. С. 120.

<sup>9</sup> Там же. С. 122.

профессиональным художником Дулёво, А.А. Колосовым, в 1922 г. был выполнен юбилейный столовый сервиз, подаренный рабочими завода к 5-летию революции В.И. Ленину. В 1922–1923 гг. по рисункам Колосова была выполнена партия посуды для Центрального Дома крестьянина на Трубной площади. Замечателен тот факт, что ручки у чашек этой партии были не типичной формы, а представляли собой стилизованную под скрещенные серп и молот композицию. Аналогичные отголоски агитации возникли в изделиях завода начала 1930-х гг. После публикации статьи, критиковавшей «непролетарское» искусство дулёвского завода, продукция мануфактуры запестрила революционно-тематическими рисунками и лозунгами «Завершим дело Ильича», «Культпоход», «Пионеры», и так далее<sup>10</sup>.

Продолжателями революционных тенденций стали изделия нетипичных форм, изобретенные художниками-авангардистами. Это являлось также своеобразной революционной пропагандой: происходил пересмотр художественной ценности, рождались самые смелые формы, противоречащие наукам и постулатам «старой школы». Художники шли в ногу с прогрессом социализма, творя новое, современное, прогрессивное. Воплощение идей нового строя жизни и культурно-эстетических ценностей происходило через композиции, состоящих из совокупности геометрических фигур, выстроенных и расписанных по канонам супрематизма. На заводе была открыта первая художественная лаборатория под руководством ученика К.С. Малевича Н.М. Суетина. Под началом Суетина творческий коллектив ГФЗ органично воплощал прогрессивные идеи супрематизма, кубофутуризма и минимализма в своей продукции<sup>11</sup>.

Несмотря на очевидное стремление советской власти обеспечить вхождение фарфора в массовое пользование, последний все равно продолжал оставаться элитарным. Необходимо было время, которое переформирует сознание обывателя и интегрирует в него определенные нововведения. В одном из своих выступлений перед рабочими ГФЗ М.В. Калинин говорил, что «весь рабочий класс и крестьянство поблагодарят рабочих фарфорового завода за то, что они сохранили им это изящное производство», а также, что «постепенно, но несомненно разовьется вкус у наших трудящихся к изящной жизни, к изящной обстановке» и они

---

<sup>10</sup> Досузий Г. Живы еще маркизы! // За пролетарское искусство. 1932. № 2. С. 16.

<sup>11</sup> История завода [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИФЗ. URL: [http://www.ipm.ru/o\\_zavo-de/istoriya\\_zavoda/](http://www.ipm.ru/o_zavo-de/istoriya_zavoda/) (дата обращения 16 января 2022).

...потянутся и к фарфору, будут понимать, сколько радости может доставить становящейся постепенно все более уютной квартире рабочей семьи красивое фарфоровое произведение<sup>12</sup>.

Однако все же в 1920-х гг. агитфарфор начал формироваться как элитарный вид декоративно-прикладного искусства, чему предшествовали закономерные обстоятельства.

Одной из основных причин являлось то, что изготовление высокохудожественного фарфора – процесс длительный, сложный и трудоемкий [Поортен 1924]. В своих трудах 1924 г. Э.Ф. Голлербах писал, что производительность рядовых рабочих напрямую зависит от сложности работы. Художник, расписывающий сервиз со сложным узором, имеет возможность выполнить не более двух тарелок в день; вещей средней сложности выпускается 8–19 единиц в день; обыкновенная же посуда производится в количестве от 20 до 30 за рабочую смену. Поэтому физически не было возможности производить изделия в таком количестве, чтобы их цена была невысокой, а предложение на рынке соответствовало спросу и обеспечивало доступность низшим слоям населения. В дополнение к этому предприятия долгое время закупали сырье для производства фарфоровой массы за границей. Сложная экономическая ситуация в стране не могла обеспечить их регулярность, а утеря опыта использования отечественных материалов первое время сказывалась на качестве производимых изделий. Эти обстоятельства в совокупности также препятствовали их широкому распространению в массы.

Вместе с тем практически сразу агитационный фарфор стал предметом экспорта молодой советской республики [Васильева, Мичкова 2017], начал демонстрироваться на международных выставках. Начиная с 1920 г. предметы декоративно-прикладного искусства (ДПИ) РСФСР экспонировались за рубежом. Советские разделы выставлялись в Риге, Берлине, Стокгольме, Милане, Брюсселе, где фарфор имел большую популярность среди посетителей [Лаврова 2017]. На Парижской международной выставке современных декоративных и промышленных искусств, проходившей с 28 апреля по 25 октября 1925 г., на советской экспозиции было выставлено около 300 изделий из фарфора, выполненных советскими мастерами в период с 1917 по 1924 г. Эти экспонаты произвели настоящий фурор. Художники А.В. Щекотихина-Потоцкая, З.В. Кобылецкая, Р.Ф. Вильде, Н.М. Суетин, С.В. Чехонин, А.Т. Матвеев, Н.Я. Данько, Д.И. Иванов и В.В. Кузнецов получили

---

<sup>12</sup> *Луначарский А.В., Тройницкий С.Н., Филатов В.В., Транцев С.А.* Указ. соч.

золотые и серебряные медали выставки<sup>13</sup>. А.В. Луначарский в своем приветствии к победителям писал следующее:

Где бы и как бы в России или за границей ни говорили теперь об успехах в области художественной промышленности, всегда в первую очередь говорят о ГФЗ...<sup>14</sup>

Экспозиция выставки в Париже, после проведения основного мероприятия, еще дважды организовывалась в неофициальном формате по просьбе коллекционеров<sup>15</sup>. Государственный фарфоровый завод начал принимать частные заказы [Баютова 2021]. Как следствие, произошло формирование высокой цены данных изделий на коллекционном рынке.

Таким образом, агитационный фарфор стал уникальным феноменом в истории мирового декоративно-прикладного искусства. Качество его художественной составляющей, несомненно, велико и представляет интерес для изучения и анализа, а суть и содержание его являются отражением исторической эпохи и ценностно-культурной составляющей советского общества в контексте данного периода. Впервые простые трудящиеся увидели свои наиболее правдоподобные образы, воплощенные в благородном материале, а мотивы стали по-настоящему близки народу.

Призванный как внутрисполитический инструмент, агитационный фарфор по ряду объективных и субъективных факторов превратился в предмет элитарной культуры и на этапе своего рождения был не в состоянии выполнить своей главной задачи – прийти утилитарной вещью в каждый дом советских граждан с целью формирования идей социализма. Но этим же была подтверждена верховность искусства над властью, человеческими амбициями и желаниями. То, что создано талантливыми людьми, во что вложен труд и к чему прикасалась рука высококвалифицированного мастера, вопреки всему не может стоить дешево и не может быть у каждого.

Вместе с тем высокохудожественные, яркие и нетипичные изделия из «белого золота» неожиданно выполнили свою функцию на другом немаловажном фронте. Успех международных выставок, популярность среди иностранных коллекционеров, размещение лучших образцов в советских дипломатических представитель-

---

<sup>13</sup> Цветкова Г.В., Тылевич Т.А., Арсентьева Е.А. Фарфор. Указ. соч. С. 123.

<sup>14</sup> Там же. С. 116.

<sup>15</sup> Там же. С. 123.

ствах пропагандировали советские лозунги и демонстрировали социалистическую атрибутику за пределами государства, продвигая культуру и ценности страны советов. Наряду с авангардной живописью и архитектурой, агитфарфор послужил серьезной рекламой, своеобразной демонстрацией «бренда» нового общественно-политического строя России, которая способствовала формированию образа и популяризации культуры молодого Советского государства на внешней мировой арене.

### *Литература*

---

- Баютова 2021 – *Баютова М.С.* Искусство на службе у власти: создание «нового человека» (на примере советского агитационного фарфора 1920-х годов) // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1. Ч. 2. С. 442–456.
- Васильева, Мичкова 2017 – *Васильева М.Е., Мичкова Д.А.* Советское агитационно-массовое искусство 1920-х гг.: Плакат и фарфор // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 6. 179 с.
- Лаврова 2017 – *Лаврова И.А.* Советский агитационный фарфор как новое слово в искусстве // Синергия наук. 2017. № 15. С. 659–663.
- Малинина 2018 – *Малинина Т.Г.* Культурные палимпсесты: их проявление и прочтение в архитектурно-художественных текстах советского времени // Артикальт. 2018. № 1 (29). С. 75–96.
- Поортен 1924 – *Поортен Т.* Техника производства фарфора // Русский художественный фарфор: Сб. ст. о Государственном фарфоровом заводе / Под ред. Э. Голлербаха, М. Фармаковского. Л.: Гос. изд-во, 1924. С. 24–32.

### *References*

---

- Bayutova, M.S. (2021), “Art in the Service of The Authorities: the Creation of a ‘new human’ (on the example of Soviet propaganda porcelain of the 1920s)”, *Ideas and ideals*, vol. 13, no. 1, part 2, pp. 442–456.
- Lavrova, I.A. (2017), “Soviet propaganda porcelain as a new word in art”, *Sinergiya nauk*, no. 15, pp. 659–663.
- Malinina, T.G. (2018), “Cultural palimpsestes: their imaging and reading in architectural artistic texts of Soviet time”, *Articult*, no. 1 (29), pp. 75–96.
- Poorten, T. (1924), “Porcelain production technique”, *ollebarkh, E. and Farmakovskii, M.* (eds.), *Russkii khudozhestvennyi farfor: sbornik statei o Gosudarstvennom farforovom zavode* [Russian art porcelain: Collection of articles about the State Porcelain Factory], Leningrad, USSR.
- Vasil’eva, M.E. and Michkova, D.A. (2017), “Soviet agitation-mass art of the 1920s: poster and china”, *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik*, no. 6, p. 179.

*Информация об авторе*

*Егор В. Лукьяненко*, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, Baza67EL@yandex.ru

*Information about the author*

*Egor V. Luk'yanenko*, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 5, Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, Russia, 199034; Baza67EL@yandex.ru

В поисках новой субъектности.  
Зритель как киборг  
(на примере фильма Адины Пинтилие  
“Touch me not”)

Татиана В. Кочина

*Российский государственный гуманитарный университет,  
Москва, Россия, seinklugscheisser@gmail.com*

*Аннотация.* Повседневная жизнь современного человека тесно связана с информационными технологиями и новыми медиа. Специфичный тип коммуникации между человеком и технологией побуждает культуру к выработке соответствующего понимания человеческой субъектности. Анализ отношений между зрителем и современным искусством через призму актуальной философии может предложить примеры описания такой субъективности. В статье рассмотрен оригинальный режиссерский подход к зрителю на примере фильма «Недотрога» 2019 г. режиссера Адины Пинтилие. Зрительская позиция проанализирована не с точки зрения теории кино, которая признается недостаточной для описания комплекса определяющих характеристик новой субъектности, но в категориях современного философского тропа о киборге теоретика феминизма Донны Харауэй. Этот подход позволяет подробно описать процесс становления новой субъектности, удовлетворяющей условиям современной культуры. В фильме Адины Пинтилие предпринята успешная попытка выстраивания нового типа кинематографического нарратива, по отношению к которому зритель обретает новую субъектность. Совокупность кинематографических выразительных средств вынуждает его расширять свою внутреннюю свободу и отказываться от привычной точки зрения. Искусство позволяет диктовать зрителю идеи и контролировать его, оно же может научить его осознавать личные ограничения. В современной феминистской философии одним из условий свободного общества будущего является способность принять себя как сложное существо, которое уже нельзя назвать человеком в обыденном смысле этого слова. Сегодня он окружен технологиями в повседневности, отчасти отделен от природы, но в своих инстинктивных желаниях все еще близок к животному миру. В современной философской феминистской мысли способность принять эти обстоятельства как влиятельный фактор является необходимостью для обеспечения более справедливого и свободного мира будущего.

---

© Кочина Т.В., 2022

Фильм – эксперимент Адины Пинтилие позволяет сделать вывод о том, что формирование новой субъектности при помощи нарративов, побуждающих к принятию этого факта, возможно за пределами теоретической мысли.

*Ключевые слова:* киборг, феминизм, теория кино, постгуманизм, субъектность

*Для цитирования:* Кочина Т.В. В поисках новой субъектности. Зритель как киборг на примере фильма Адины Пинтилие “Touch me not” // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 98–108. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-98-108

The search for a new subjectivity.  
The viewer as a cyborg  
(on the example of Adina Pintilie’s film  
“Touch me not”)

Tatiana V. Kochina

*Russian State Univeristy for the Humanities, Moscow, Russia,  
seinklugscheisser@gmail.com*

*Abstract.* This article examines an original director’s approach to the viewer on the example of the film “Touch me not” (2019) by Adina Pintilie. The spectator’s position is analyzed not from the cinema theory point of view, which is considered insufficient to describe the new defining characteristics, but in terms of the modern philosophical trope about the cyborg by feminist theorist Donna Haraway. It allows us to describe in detail the process of formation of a new subjectivity that meets the conditions of modern culture. This article argues that the film provides a successful attempt to build a new type of cinematic narrative, where the viewer has a new subjectivity since the combination of expressive means forces him to expand his inner freedom and abandon the usual point of view. Art allows to impose ideas on the viewer and control him, it can also teach the viewer to be aware of their limitations. In modern feminist philosophy, one of the conditions of a free future society is the ability to accept oneself as a complex being who can no longer be called a human in the ordinary sense. Modern man is surrounded by technology, partly separated from nature, but in their instinctive desires they are still close to the animal world. In modern philosophical feminist thought, the ability to accept this is a necessity for the conditions of the world of the future. Adina Pintilie’s experimental film allows to conclude that the becoming of a new subjectivity with the help of narratives that encourage acceptance of this fact is possible beyond the limits of theoretical thought.

*Keywords:* cyborg, feminism, cinema theory, posthumanism, subjectivity

*For citation:* Kochina, T.V. (2022), "In search for a new subjectivity. The viewer as a cyborg (on the example of Adina Pintilie's film 'Touch me not')", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 7, pp. 98–108, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-98-108

Остается ли современный человек, житель мегаполиса, человеком в привычном понимании этого слова? Можно ли сказать, что повседневное взаимодействие с технологиями и медиа бесповоротно изменили его мышление и субъективное восприятие себя? Разработка вопроса о субъектности в современных гуманитарных исследованиях теснейшим образом связана с такими особенностями нашего общества, как информационность и технологичность. По этой причине возрастает актуальность исследований влияния медиа на человека, в частности вопросы об особенностях зрительского восприятия, формирования его новой субъектности в процессе взаимодействия с медиаконтентом.

Вопрос о субъектности понимается далее как тождественный проблематике Я в контексте традиции, берущей начало в философии Нового времени с ее характерным гуманизмом и субъектоцентризмом<sup>1</sup>. Под субъектностью подразумевается способность конкретного индивида быть субъектом, активно включенным в политический, коммуникативный, культурный контекст, однако речь пойдет именно о поиске нового видения субъектности в рамках феминистского дискурса и в массовой культуре на примере кино.

Усиливающаяся популярность телевидения во второй половине XX в. привела к росту исследований в области влияния

---

<sup>1</sup> См.: *Лекторский В.А. Субъект // Новая философская энциклопедия*. М.: Мысль, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH018dd6e872549db6296a3b8d#:~:text=%D0%94%D0%BB%D1%8F%20%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%B8%D0%B8%20%D1%81%D1%83%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%E2%80%93%D1%8D%D1%82%D0%BE,%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D1%83%20%D1%81%D1%83%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%B0%D0%B5%D1%82%20%D0%BA%D0%B0%D0%BA%20%D0%AF> (дата обращения 21 февраля 2022).

медиа на человека, начало которого принято отсчитывать с конца 1960-х. Принципиальное влияние на их развитие оказала теория медиа Маршалла Маклюэна [Маклюэн 2003], наследующие этому направлению исследования концентрируют свое внимание на информационных и коммуникативных свойствах медиа и их влиянии на человека. В 1970-е гг. на примере кинематографа и предшествовавших ему изобретений французские исследователи обратили внимание на определяющую роль в становлении субъекта в процессе средоточия и месторождения смыслов для технологических медиа. Наиболее показательными в этой области нам кажутся теоретические идеи Жана-Луи Бодри и Лауры Малви.

В работе «Идеологические эффекты базового кинематографического аппарата» Жан-Луи Бодри описывает становление нового субъекта в результате воздействия фильма на зрителя. С его точки зрения это оказывается возможно благодаря тому, что расположенная на уровне глаза точка перспективы создает фиксацию, т. е. субъекта [Baudry 1988, p. 534]. В соответствии с принципом неподвижной точки структурируются все визуализируемые объекты, т. е. камера задает местонахождение «субъекта» в ответ зрителю [Baudry 1988, p. 534]. Поэтому, утверждает исследователь, речь идет о субъекте-наблюдателе, который через глаз, освобожденный технологией от оков тела, не воссоздает картину мира, но создает ее [Baudry 1988, p. 537]. Иными словами, речь идет о создании нового субъекта.

Чуть позже после Жана-Луи Бодри непосредственно вопрос о субъектности зрителя был поставлен в феминистской теории кино Лаурой Малви. Ее концепция с элементами критической теории утверждает об ассоциации зрителя с главным героем фильма по принципу лакановского «зеркала» и настаивает на принципе удовольствия, которое зритель получает в процессе просмотра фильма вследствие овладения Другим (тем, кто на экране) [Малви 2000, с. 286]. В кинематографических теориях после Лауры Малви естественное органическое слияние зрительской субъектности с кинематографической является общим местом. В этой оптике зритель нередко вписывается в предлагаемую субъектность, ту, что задается спецификой изобразительности и структурой фильма [Колотаев 2019].

Описанные выше подходы к анализу субъектности зрителя упускают из внимания телесные аспекты. Тело снова стало ключевым фокусом в феминистской теории кинематографа позднее, уже под влиянием феноменологических исследований кино [Sobchak 2004]. Как показывают современные исследования, несмотря на это, такой аспект, как расширение человеческих возможностей

за его пределы (благодаря технологическому устройству камеры и объектива), остался вне ее внимания [Pollmann, Hediger 2011, pp. 136–150]. По этой причине попытки анализа субъекта-зрителя в кино, основанные исключительно на разработанных теориях кино, будут ограничены.

Мы видим возможность преодоления ограничений в области феминистской философской мысли, одна из задач которой – определить новую субъектность в соответствии с социальными реалиями современности.

В 1985 г. в США вышла книга «Манифест киборгов» Донны Харауэй [Харауэй 2005]. Ее содержание выражало критическую реакцию на сексистский подтекст в литературе киберпанка 1980-х гг., исследовательница предложила концепцию киборга, заставляющую взглянуть на субъектность современного человека иначе. Несмотря на то что киборг воплощает в себе женский опыт всего XX в., а именно опыт борьбы за равные права – речь в нем идет об утопии будущего, где субъектность определяется не полом и гендером, но совокупностью социальных факторов. Релевантность постмодернистской концепции о киборгической субъектности обусловлена ее акцентом на гибридности. Донна Харауэй обращает внимание на то, как сегодня человеческое тело все больше структурируется благодаря его связям с технологиями, что определяющие человека границы все больше смещаются. Поэтому основанием новой субъектности становится торжествующая над разрушающимся современным дуализмом гибридность. «Киборг» – пример трансгрессивного субъекта. Он сочетает в себе две стороны дихотомии «человек/машина». Слияние полярных дискурсов в единое стирает границы и создает текучее и неограниченное пространство. Оно в свою очередь дает новые возможности, в том числе для субъектностей, «одновременно опасных и приятных, заключающих в себе противоречия и незавершенность» [Харауэй 2005, с. 330–331].

Субъектность киборга определяется несколькими принципиальными качествами. Он не идеальное существо будущего, в котором слиты технология и человек, но, наоборот, субъект, несущий в себе опыт травмы прошлого, осознающий невозможность целостной единой идентичности в настоящем. Киборг – тот, кто активно переписывает тексты своих тел и своих обществ [Харауэй 2005, с. 361]. Переписывание означает способность к осознанным изменениям, они отражаются как в телесной, так и в социальной реальности. Большую роль играет ресурс воображения, который позволяет говорить о горизонте и формах нового [Харауэй 2005, с. 324]. Харауэй подчеркивает, что киборгу свойственна гете-

рогlossия, то есть субъектность такого рода подразумевает сосуществование множественных разновидностей внутри одного языка [Харауэй 2005, с. 367]. Еще один принципиальный момент касается стратегического изъятия качеств, традиционно понимаемых как мужские, в область, где они определяются свободно между людьми, независимо от гендера и пола.

Воплощение этих характеристик можно обнаружить в современных фильмах. Мы рассмотрим их на примере фильма «Недотрога»<sup>2</sup> 2019 г. румынского режиссера Адины Пинтилие, в нем попытка создания субъектности киборга прослеживается особенно явно. Как и в первой короткометражке «Это», во втором фильме «Не пойми меня неправильно», посвященном жизни в психиатрической лечебнице, в последующем фильме «Кислород», картина «Недотрога» исследует границы человеческого сознания и возможности взаимодействия с кино [Wang 2018, p. 50–51].

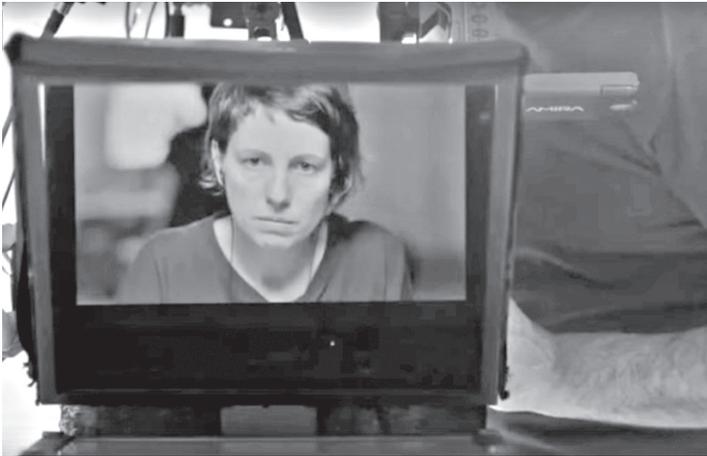
Этот художественный фильм представлен как экспериментальное исследование телесности, суть которого в поиске возможного решения проблемы главной героини. Она неспособна на тактильный контакт и не может терпеть прикосновения других. Для преодоления этого барьера режиссер предлагает ей общаться с людьми, которые обрели связь со своим телом, несмотря на отчуждение в самых разных смыслах – это люди с редкими заболеваниями, инвалидностями, трансгендеры, секс-работники.

Формирование новой субъектности происходит на пересечении четырех дискурсов. Дискурс режиссера, дискурс главной героини (Лоре), дискурс зрителя, присутствие которого подчеркивается различными художественными средствами. Дискурс камеры/технологии пронизывает и объединяет их. Рассмотрим подробнее, как устроено каждое дискурсивное поле.

Отметим, что присутствие камеры задается в фильме сразу после первой сцены с крупным планом мужского тела. Затем в кадре появляется режиссер Адина Пинтилие, она будет появляться в повествовании регулярно, но только в рамке экрана снимающей камеры, ее присутствие подчеркнуто присутствием технологии (рис. 1). Этот прием ассоциирует изображение режиссера с образом камеры, которая снимает ход эксперимента. Одновременно возникает связь между режиссерским зрительским опытом и опытом зрителя фильма, в монологе в первом появлении она сама называет себя наблюдателем эксперимента.

---

<sup>2</sup> «Недотрога», “Touch me not”, Румыния, 2019, реж. А. Пинтилие [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amazon.com/Touch-Me-Not-Laura-Benson/dp/B0844FTSKK> (дата обращения 21 февраля 2022).



*Рис. 1*

Развитие сюжета зависит от изменений в поведении главной героини, которая постепенно освобождается от своей проблемы. В центре внимания ее личностная запутанность, позволяющая как режиссеру, так и зрителю принять опыт надломленной идентичности. Обретение Лорой новой субъектности (более свободной по отношению к себе, принимающей себя и способной взаимодействовать со своим телом) движется в двух направлениях. Первое – готовность открывать для себя опыт других людей и примерять его на себя. Второе направление – вовлечение в кино-эксперимент. Все процессы коммуникации и интервью являются частью эксперимента. В сценах с интервью снова акцентируется опосредованность технологией, в кадре присутствуют дублирующие экраны записи видео.

Не менее важно, что с первых минут фильма подчеркивается роль гетероглоссии в формировании новой субъектности героини. В первой сцене она уточняет у молодого человека значение татуировки на его теле, написанной на незнакомом ей языке. Тело оказывается символически связано с закодированным языком. «Это очень личная тату», – отвечает юноша, и смысл надписи на его теле остается загадкой. Другой – это тайна, которую иногда нельзя декодировать, но можно принять.

Различие между идентичностями в персонажах и присутствие опыта различных культур подчеркнута и тем, что в разных сценах герои говорят на нескольких языках (английский, немецкий, французский). Кроме фигуры режиссера, герои фильма, с которыми



*Рис. 2*

взаимодействует героиня, в основном мужчины, каждый из них делится своей историей отношений с телом. Среди них есть трансгендерный мужчина, совершивший частичный переход в женщину, он делится опытом принятия своего тела с одновременно мужскими и женскими признаками. Есть молодой человек с ДЦП, который принимает ограниченные возможности своего тела, мужчина с алопецией. Они и другие мужские персонажи помогают ей переозначить границы принятия своего тела (рис. 2).

Зрительская субъектность всегда сопresents в фильме, зрителю напоминают о нем самом. Разрушение четвертой стены, то есть прямой взгляд в кадр режиссера. Интервью главной героини, смотрящей на зрителя. Подчеркнутое присутствие технологии и условности происходящего на экране. Другие персонажи тоже часто вспоминают о зрителе и разрушают четвертую стену репликами на камеру о том, что они чувствуют, что на них кто-то смотрит.

В фильме намеренно создана ситуация одновременного сопresents нескольких субъектностей, смешивающихся друг с другом за счет точек пересечения возможного опыта – опыта зрения и опыта принятия Другого. Посредством задачи главной героини режиссер заставляет зрителя принимать на себя ее индивидуальную нарративную ситуацию, т. е. необходимость становиться более открытым и быть готовым к изменениям в восприятии самого себя через изменения в восприятии тела. Окончательно сопresents субъектностей закрепляется в зрителе дискурсом самого фильма,

зритель становится смесью машины и организма, отождествляясь с взглядом объектива камеры, без которой подобный эксперимент был бы невозможен.

Фильм Адины Пинтилие особым образом взаимодействует со зрителем и создает новый язык. Сюжетная составляющая, персонажи, не соответствующие принятым в обществе нормам тела, акцент на экспериментальной природе фильма создают условия для появления особой зрительской субъектности, которая совпадает с тропом о киборге. Важно, что опыт другого, надломленность и гетероглоссия представлены в повествовании не как фактор, который требуется преодолеть, но как необходимое сопутствующее условие для понимания себя.

«Недотрога» – фильм, который описывает и создает современную субъектность. Он вовлекает в повествование фигуру зрителя и опыт слияния его взгляда с возможностями технологии. Посредством киноязыка, играющего с восприятием каждого участника эксперимента (фигуры героев в повествовании, режиссерское участие, зритель), он обращается к меняющим нашу личность актуальным контекстам. Акцент на границах сдвигающихся норм тела побуждает к расширению восприятия как к условию собственной свободы. Подобная дискурсивная насыщенность требует новой оптики. Подход с использованием феминистского концепта о киборге открывает возможности для анализа таких картин, позволяет описать субъектность современного человека и увидеть в ней основания базовых гуманистических ценностей, в частности таких, как принятие собственного и чужого права на свободу и уважение.

### *Литература*

---

- Колотаев 2019 – *Колотаев В.А.* Функции проективной идентификации в киноискусстве // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 131–143.
- Маклюэн 2003 – *Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
- Малви 2000 – *Малви Л.* Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // Антология гендерной теории / Сост., комм. Е.И. Гапова, А.Р. Усманова. Минск: Профили, 2000. С. 280–297.
- Харауэй 2005 – *Харауэй Д.* Манифест Киборгов // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / Под ред. Л.М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 323–376.

- Baudry 1988 – *Baudry J.-L.* Ideological effects of the basic cinematographic apparatus // *Film Quarterly* (Winter, 1974–1975). Vol. 28. No. 2. P. 39–47 (reprinted in *Movies & Methods*) / Ed. by Bill Nichols, Berkeley, Los Angeles: University of California press, 1988. P. 531–542.
- Pollmann, Hediger 2011 – *Pollmann I., Hediger V.* Film Experience and the Formation of Illusion: The Spectator as “Surrogate Body” for the Cinema // *Cinema Journal*. 2011. Vol. 50. No. 4. P. 136–150 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/41240739> (дата обращения 21 мая 2022).
- Sobchak 2004 – *Sobchak V.* Carnal Thoughts: Embodiment and Moving Image Culture. Berkeley: University of California Press, 2004. 340 p.
- Wang 2018 – *Wang Y.* Adina Pintilie and the end of Romanian New Wave // *Close up: Film and Media studies*. Vol. 2. № 2. 2018. P. 47–60 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.academia.edu/38531474/Adina\\_Pintilie\\_and\\_the\\_End\\_of\\_Romanian\\_New\\_Wave](https://www.academia.edu/38531474/Adina_Pintilie_and_the_End_of_Romanian_New_Wave) (дата обращения 21 февраля 2022).

## References

---

- Baudry, J.-L. (1988), “Ideological effects of the basic cinematographic apparatus”, Nichols, B. (ed.), *Movies & Methods*, vol. 2, University of California press, Berkeley, Los Angeles, USA, pp. 531–542.
- Haraway, D. (2005), “Cyborg Manifesto”, Bredikhina, L.M and Dipuell, K. (eds.) *Gendernaya teoriya i iskusstvo. Antologiya: 1970–2000* [Gender theory and art. Anthology: 1970–2000], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 323–376.
- Kolotaev, V.A. (2019), “Functions of projective identification in cinema”, *RSUH/RGGU BULLETIN. Philosophy. Sociology. Art Studies Series*, no. 3, pp. 131–143.
- McLuhan, H.M. (2003), *Understanding Media: The Extensions of Man*, Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Mulvey, L. (2000), “Visual Pleasure and Narrative Cinema”, Gapova, E.I. and Usmanova, A.R. (eds.), *Antologiya gendernoi teorii* [Anthology of gender theory], Propilei, Minsk, Belorussia, pp. 280–297.
- Pollmann, I. and Hediger, V. (2011), “Film Experience and the Formation of Illusion: The Spectator as ‘Surrogate Body’ for the Cinema”, *Cinema Journal*, vol. 50, no. 4, pp. 136–150, available at: <http://www.jstor.org/stable/41240739> (Accessed 21 May 2022).
- Sobchak, V. (2004), *Carnal Thoughts: Embodiment and Moving Image Culture*, University of California Press, Berkeley, USA.
- Wang, Y. (2018) “Adina Pintilie and the End of Romanian New Wave”, *Close up: Film and Media studies*, vol. 2, no. 2, pp. 47–60, available at: [https://www.academia.edu/38531474/Adina\\_Pintilie\\_and\\_the\\_End\\_of\\_Romanian\\_New\\_Wave](https://www.academia.edu/38531474/Adina_Pintilie_and_the_End_of_Romanian_New_Wave) (Accessed 21 May 2022).

*Информация об авторе*

*Татиана В. Кочина*, магистр культурологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; seinklugscheisser@gmail.com

*Information about the author*

*Tatiana V. Kochina*, master of Culturology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; seinklugscheisser@gmail.com

Дизайн обложки

*Е.В. Амосова*

Корректор

*А.А. Леонтьева*

Компьютерная верстка

*Н.В. Москвина*

Подписано в печать 29.08.2022.

Формат  $60 \times 90^{1/16}$ .

Уч.-изд. л. 6,5. Усл. печ. л. 6,9.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1576

Издательский центр  
Российского государственного  
гуманитарного университета  
125047, Москва, Миусская пл., 6  
[www.rsuh.ru](http://www.rsuh.ru)